

Денис Абсентис

Средневековая Европа. Штрихи к портрету

Часть I

«Историю этого времени необходимо знать лишь для того, чтобы ее презирать».

Вольтер

Направленность действия ЛСД, или в нашем случае галлюциногенного отравления спорыньей, как было показано еще Хофманном, зависит от «установки» и «обстановки». «Установка», понятно, христианская: культ дьявола, евхаристический каннибализм, бесо- и ведьмо- мания и пр., «Обстановку» я тоже вроде уже описал, но, так сказать, безлично — как набор фактов о голоде, людоедстве, безумии крестовых походов и т.д. Полагаю, чтобы наглядно эту «обстановку» понять, стоит внимательнее присмотреться к повседневной жизни европейцев, представить их «вживую». Чем они занимались в свободное от «плясок св. Витта» время, как жили, какие бытовые проблемы перед ними вставали, что представляли собой европейские города и т.п. Для того, чтобы понять, что принесла миру «великая христианская культура», необходимо взглянуть в живую историю и увидеть, насколько соответствуют реальности фантомные идеалы «великого» прошлого. К досаде и возмущению романтиков и прочих гуманитариев для этого придется немного поколебать идеализированный образ Средневековья и спустить мечтателей на землю, к нежеланной картине того, как оно было на самом деле. При этом Средневековье я понимаю как «длинное средневековье» по Ле Гоффу, поскольку считать, что с приходом Возрождения «темные века» закончились, мне кажется надуманным. Реформация — лишь продолжение средневековья, и массово сжигаемые в эпоху Возрождения «ведьмы» не дают повода в этом усомниться. Я не исключаю возможности наличия некоторых минорных неточностей в нижеследующем тексте, но стопроцентная историческая точность описания, скажем вопросов «сортирологии», не была моей задачей. Я только намеревался показать общую картину жизни средневековья, а картина эта была не такой, какой многие привыкли ее представлять.

PS. Несколько человек высказали свои мысли о разных аспектах средневекового бытия, я буду приводить эти высказывания ниже, как «комментарий Циника».

Города

Первое что поразило Сеамни на площади и что резко противоречило с ее представлениями о романтическом и таинственном средневековье – это запахи. Снующая мимо толпа буквально смердела: потом, грязью, гнилью, пылью и другими не лучшими ароматами. Было жарко, пыльно и душно.

Seamny

Разные эпохи ассоциируются с разными запахами. Средневековье вполне заслуженно пахнет нечистотами и смрадом гниющих тел. Города отнюдь не походили на чистенькие павильоны Голливуда, в которых снимаются костюмированные постановки романов Дюма. Швейцарец Патрик Зюскинд, известный педантичным воспроизведением деталей быта

описываемой им эпохи, ужасается зловонию европейских городов позднего средневековья: «Улицы провоняли дерьмом, задние дворы воняли мочой, лестничные клетки воняли гниющим деревом и крысиным пометом, кухни — порченым углем и бараньим жиром; непроветриваемые комнаты воняли затхлой пылью, спальни — жирными простынями, сырыми пружинными матрасами и едким сладковатым запахом ночных горшков. Из каминов воняло серой, из кожаных мастерских воняло едкой щелочью, из боен воняла свернувшаяся кровь. Люди воняли потом и нестиранной одеждой, изо рта воняло гнилыми зубами, из их животов — луковым супом, а от тел, если они уже не были достаточно молоды, старым сыром, и кислым молоком, и онкологическими болезнями. Воняли реки, воняли площади, воняли церкви, воняло под мостами и во дворцах. Крестьянин вонял как и священник, ученик ремесленника — как жена мастера, воняло все дворянство, и даже король вонял, как дикое животное, а королева, как старая коза, и летом, и зимой».

В то время, пишет Зюскинд, «не существовало не единого вида человеческой деятельности, ни созидательной не разрушительной, ни единого выражения зарождающейся или загнивающей жизни, которую бы постоянно не сопровождала вонь».

Попробуем разобраться, не возвел ли писатель напраслину на Прекрасное Средневековье™ и не сгустил ли краски для эпатажа наивного и доверчивого читателя. Судите сами.

Королева Испании Изабелла Кастильская (конец XV в.) признавалась, что за всю жизнь мылась всего два раза — при рождении и в день свадьбы. Дочь одного из французских королей погибла от вшивости. Папа Климент V погибает от дизентерии, а Папа Климент VII мучительно умирает от чесотки (как и король Филипп II). Герцог Норфолк отказывался мыться якобы из религиозных убеждений. Его тело покрылось гнойниками. Тогда слуги дождались, когда его светлость напьется мертвецки пьяным, и еле-еле отмыли.

Давно гуляет по анекдотам сохранившаяся записка, посланная имевшим репутацию прожженного донжуана королем Генрихом Наваррским своей возлюбленной, Габриэль де Эстре: «Не мойся, милая, я буду у тебя через три недели». Сам король, кстати, за всю свою жизнь мылся всего три раза. Из них два раза по принуждению.

Русские послы при дворе Людовика XIV писали, что их величество «смердит аки дикий зверь». Самых же русских по всей Европе считали извращенцами за то, что те ходили в баню раз в месяц — безобразно часто (распространенную теорию о том, что русское слово «смердеть» и происходит от французского «мерд» — «говно», пока, впрочем, признаем излишне спекулятивной).

В руководстве учтивости, изданном в конце 18-го(!) века (Manuel de civilité. 1782.) формально запрещается пользоваться водой для умывания, «ибо это делает лицо зимою более чувствительным к холоду, а летом к жару».

Европейские города утопали в нечистотах:

Жители домов выплескивали все содержимое ведер и лоханок прямо на улицу, на горе зазевавшемуся прохожему. Застоявшиеся помои образовывали смрадные лужи, а неугомонные городские свиньи, которых было великое множество, дополняли картину». (Книга для чтения по истории Средних веков. Ч. 2./ Под ред. С.Д. Сказкина. — М., 1951. — С. 12 — 13.)

«Французский король Филипп II Август, привыкший к запаху своей столицы, в 1185 году упал в обморок, когда стоял у дворца, и проезжающие мимо него телеги взрывали уличные нечистоты...». (Лев Гумилев)

«Ночные горшки продолжали выливать в окна, как это было всегда — улицы представляли собой клоаки. Ванная комната была редчайшей роскошью. Блохи, вши и клопы кишели как в Лондоне, так и в Париже, как в жилищах богатых, так и в домах бедняков. (Ф. Бродель. Структуры повседневности. Т.1. — М., 1986. — С. 317 — 332.)

Увернуться от льющегося из окон дерьма было ох как не просто:

Наиболее типична улица шириной в 7 — 8 метров (такова, например, ширина важной магистрали, которая вела к собору Парижской Богоматери). Маленькие улицы и переулки были значительно уже — не более двух метров, а во многих старинных городах встречались улочки шириной и в метр. Одна из улиц старинного Брюсселя носила название «Улица одного человека», свидетельствующее о том, что два человека не могли там разойтись. Уличное движение составляли три элемента: пешеходы, животные, повозки. По улицам средневековых городов часто гнали стада». (А.Л. Ястребицкая. Западная Европа XI — XIII веков. — М., 1978. — С. 52.)

Антисанитария, болезни и голод — вот лицо средневековой Европы. Даже знать в Европе не всегда могла есть досыта, из десяти детей выживало хорошо если двое-трое, а при первых родах умирала треть женщин... Освещение — в лучшем случае восковые свечи, а обычно — масляные светильнички или лучина. Голодные, обезображенные оспой, проказой и, позже, сифилисом лица выглядывали из окон, затянутых бычьими пузырями...

Историк Дрэпер представил в своей книге «История отношений между религией и наукой» довольно яркую картину условий, в которых жило население Европы в средние века. Вот главные черты этой картины:

«Поверхность континента покрыта была тогда большей частью непроходимыми лесами; там и сям стояли монастыри и города. В низменностях и по течению рек были болота, простиравшиеся иногда на сотни миль и испускавшие свои ядовитые миазмы, которые распространяли лихорадки. В Париже и в Лондоне дома были деревянные, вымазанные глиной, крытые соломой или тростником. В них не было окон и, до изобретения лесопилен, в немногих домах существовали деревянные полы... Печных труб не было. В таких жилищах едва ли была какая защита от непогоды. О водосточных канавах не заботились: гниющие остатки и мусор просто выкидывались за дверь. Опрятность была совершенно неизвестна: высокие сановники, как например, архиепископ Кентерберрийский, кишели насекомыми. Пища состояла из грубых растительных продуктов, таких как горох или даже древесная кора. В некоторых местах поселяне не знали хлеба». (этим еще повезло!—Absentis).

«Удивительно ли после этого», — отмечает далее историк, — что во время голода 1030 года жарилось и продавалось человеческое мясо или что в голодный 1258 год в Лондоне умерло с голоду 15 тысяч человек?»

Как Европа докатилась до такой жизни?

Европа вышла из грязи Светлана ЛАНЬЕ. По материалам журнала «Фокус»

Моющих средств, как и самого понятия личной гигиены, в Европе до середины XIX века вообще не существовало... Однако атмосферу отравляли не только экскременты. Мясники забивали скот прямо на улицах и там же потрошили туши, разбрасывая кишки и сливая кровь на тротуары. Вонь распространялась на всю округу.

В позднем Средневековье люди научились перерабатывать мусор и экскременты. Мочу, например, собирали для обработки кожи и отбеливания ткани, а из костей животных делали муку. В старину художники ставили возле ферм бочки для мочи, на которой они замешивали краски (в Древнем Риме использовали даже мочу из общественных уборных — ее продавали красильщикам шерсти и дубильщикам кожи). То, что не подлежало переработке, оставалось валяться на улице.

Улицы мыл и чистил единственный существовавший в те времена дворник — дождь, который, несмотря на свою санитарную функцию, считался наказанием господним. Дожди вымывали из укромных мест всю грязь, и по улицам неслись бурные потоки нечистот, которые иногда образовывали настоящие реки. Так, например, во Франции возникла речушка Мердерон («мерд» в переводе — дерьмо).

Если в сельской местности рыли выгребные ямы, то в городах люди испражнялись в узеньких переулках и во дворах...

Но и сами люди были ненамного чище городских улиц. «Водные ванны утепляют тело, но ослабляют организм и расширяют поры. Поэтому они могут вызвать болезни и даже смерть», — утверждал медицинский трактат XV века. В Средние века считалось, что в очищенные поры может проникнуть зараженный инфекцией воздух. Вот почему высочайшим декретом были упразднены общественные бани. И если в XV — XVI веках богатые горожане мылись хотя бы раз в полгода, в XVII — XVIII веках они вообще перестали принимать ванну. Правда, иногда приходилось ею пользоваться — но только в лечебных целях. К процедуре тщательно готовились и накануне ставили клизму. Французский король Людовик XIV мылся всего два раза в жизни — и то по совету врачей. Мытье привело монарха в такой ужас, что он зарекся когда-либо принимать водные процедуры.

Все гигиенические мероприятия сводились только к легкому ополаскиванию рук и рта, но только не всего лица. «Мыть лицо ни в коем случае нельзя, — писали медики в XVI веке, — поскольку может случиться катар или ухудшиться зрение». Что же касается дам, то они мылись 2 — 3 раза в год.

Большинство аристократов спасались от грязи с помощью надушенной тряпочки, которой они протирали тело. Подмышки и пах рекомендовалось смачивать розовой водой. Мужчины носили между рубашкой и жилетом мешочки с ароматическими травами. Дамы пользовались только ароматической пудрой.

Средневековые «чистюли» часто меняли белье — считалось, что оно впитывает в себя всю грязь и очищает от нее тело. Однако к смене белья наши предки относились выборочно. Чистая крахмаленная рубашка на каждый день была привилегией состоятельных людей. Вот почему в моду вошли белые гофрированные воротники и манжеты, которые свидетельствовали о богатстве и чистоплотности их владельцев. Бедняки не только не мылись, но и не стирали одежду — у них не было смены белья... Самая дешевая рубашка из грубого полотна стоила столько же, сколько дойная корова.

«- Какая грязь! - Это—галилеяне ¹. Мыться считают грехом: никакими силами не загонишь в баню...»

Д. Мережковский, «Юлиан Отступник».

Античный мир возвел гигиенические процедуры в одно из главных удовольствий, достаточно вспомнить знаменитые римские термы. До победы христианства только в одном Риме действовало более тысячи бань. То, что христиане первым делом, придя к власти, закрыли все бани, общеизвестно, но объяснения этому действию я нигде не видел. Тем не менее причина, вполне возможно, лежит на поверхности. Христиан всегда раздражали ритуальные омовения конкурирующих религий—иудаизма и, позже, ислама. Еще Апостольскими Правилами христианам запрещалось мыться в одной бане с евреем. А где взять баню без еврея? Вот придешь в баню—и смотри в оба, кто там еврей. А вдруг не узнаешь и во грех войдешь? Это потом нацисты головы и носы будут сравнивать, а тогда еврея и по носу то не отличишь от римлянина—те тоже носатые. А ходить и члены рассматривать—так и нарваться можно. Проблема, однако. Чтобы не впасть в грех, бани и разрушили. Нет бани—нет проблем! К тому же мерзкие язычники обвиняли христиан (сейчас и не подумаешь) в разврате, так как первые христиане ходили в бани с бабами. Архетипичный, кстати, путь развития тоталитаризма—первые большевики тоже будут вооружаться принципом общих бань и лозунгом «долой стыд», а потом будет «секса у нас нет». Они не придумали ничего нового, это был уже пройденный христианами путь.

Для тех, кто Апостольские Правила подзабыл, правилами Трулльского («Пятошестого», 691—692 г.) Вселенского Собора бывшее 11-ое правило было подтверждено: запрещено пользоваться услугами врачей-иудеев и, опять же, мыться с евреями в одной бане. Заодно, как пережитки язычества, запрещались, гадания, карнавалы ряженных, и даже ученые медведи. Позже фраза «обвиняемый был замечен принимающим баню» стала обычной в отчетах инквизиции, как несомненное доказательство ереси.

Формально и сегодня любой православный может быть отлучен от Церкви за совместный поход в баню с евреем. По признанию сотрудника отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата священника Всеволода Чаплина, «церковь испытывает большие затруднения в связи с тем, что наше каноническое право сегодня не всегда можно применять буквально. Иначе всех нужно отлучить от Церкви. Если православный ходит в баню, то он должен следить за тем, нет ли рядом еврея. Ведь по каноническим правилам православному нельзя мыться в бане с евреем».

Символом победы христианства над банями могли бы послужить ворота римской постройки Порты Нигра (Porta Nigra, «черные ворота») в Трире (родине Карла Маркса)—старейшем городе Германии и бывшей столице римской провинции Бельгика Прима, стоящие среди развалин римских бань (и даже бань, в которых еще мылись первые христиане—термы св. Варвары, 2 век н.э.). В этих воротах древнего Трира, символе города, замуровал себя св. Симеон. Еду ему просовывали в окошко, и замурованный Симеон просидел там лет десять, оставив своих фекалий полную башню. Там же, в своей келье, он и был окончательно замурован после смерти (наступившей от... ладно, ладно, молчу :-). За такой истинно христианский «подвиг» набожный Симеон-затворник был канонизирован Папой Бенедиктом IX и стал Святым Симеоном Сиракузким, а над воротами и вокруг них христиане под руководством архиепископа Поппо надстроили церковь св. Симеона (позже разобрannую Наполеоном в 1803 г.). Вонь от испражнений Св. Симеона у ворот Порты Нигра, среди всех этих разрушенных термов—символ пришедшего христианского

¹ Античное наименование христиан.

Средневековья.

В CHRONICA REGIA COLONIENSIS (Кельнская королевская хроника) за 1186 год мы можем прочесть, что «В Трире на Троицу, выпавшую на 1 июня, когда отмечался также праздник святого Симеона, некие люди наполнили печь хлебом, который они должны были выпечь, однако он весь превратился в кровь». Обычные христианские евхаристические страшилки и каннибалистические мотивы в этой записи не главное. К этому мы уже привыкли: то христианам сжигаемый мученик кажется хлебом (св. Поликарп), то хлеб кровью... А забавно здесь то, что св. Симеону удалось опять послужить символом христианства, которое сначала утопило Европу в говне, а затем — и в крови: первые «еретики» сгорали на кострах именно около Трира в 1232 г. Еретики эти действительно совершили страшное деяние — осмелились перевести Библию на немецкий язык. Позже в архиепископстве Трира будет сожжено 6500 «еретиков» и «ведьм»...

Дуализм христианства проповедовал ничтожность тела и «умерщвление плоти». Тело — ничто, только душа имела значение.

Первая видимость — это тело. Его следовало принизить. Григорий Великий называл тело «омерзительным одеянием души». «Когда человек умирает, он излечивается от проказы, каковой является его тело», — говорил Людовик Святой Жуанвиллю. Монахи, служившие средневековым людям примером для подражания, беспрестанно смиряли свою плоть, культивируя аскетические привычки. В монастырских уставах указывалось максимальное количество дозволенных ванн и туалетных процедур, поскольку все это считалось роскошью и проявлением изнеженности. Для отшельников грязь была добродетелью. Крещение должно было отмыть христианина раз и навсегда в прямом и переносном смысле. (*Жак ле Гофф «Цивилизация средневекового Запада»*).

Христианство выкорчевало из памяти народа даже мысли о банях и ваннах. Столетия спустя, крестоносцы, ворвавшиеся на Ближний Восток, поразили арабов своей дикостью и грязью. Но франки (крестоносцы), столкнувшись с таким забытым благом цивилизации, как бани Востока, оценили их по достоинству и даже попытались вернуть в XIII веке этот институт в Европу. Безуспешно, конечно, — во времена вскоре наступившей Реформации усилиями церковных и светских властей бани в Европе вновь были надолго искоренены как очаги разврата и духовной заразы.

Наглядное представление о гигиене средних веков, вполне адекватное реальности, можно получить, посмотрев фильм «13-ый воин», где лоханка, в которой умывается и куда сморкается и плюется один, переходит по кругу. Пару лет назад англоязычную часть интернета обошла статья «Жизнь в 1500-х годах» («Life in the 1500's», тут же названная христианами «антикатолической ложью»), в которой рассматривалась этимология различных поговорок. Авторы утверждали, что именно такие грязные лоханки спровоцировали живую и поныне идиому «не выплеснуть с водой ребенка». Действительно — в грязной воде можно было и не заметить. Но в реальности и такие лоханки были большой редкостью. В те смутные времена уход за телом считался грехом. Христианские проповедники призывали ходить буквально в рванье и никогда не мыться, так как именно таким образом можно было достичь духовного очищения. Мыться нельзя было еще и потому, что так можно было смыть с себя святую воду, к которой прикоснулся при крещении. В итоге люди не мылись годами или не знали воды вообще. Грязь и вши считались особыми признаками святости. Монахи и монашки подавали остальным христианам соответствующий пример служения Господу:

«По-видимому, монахини появились раньше, чем монахи: не позднее середины III столетия. Некоторые из них замуровывали себя в гробницах. На чистоту смотрели с отвращением. Вшей называли «Божьими жемчужинами» и считали признаком святости. Святые, как мужского, так и женского пола, обычно кичились тем, что вода никогда не касалась их ног, за исключением тех случаев, когда им приходилось переходить вброд реки». (*Бертран Рассел*)

Если уже две тысячи лет назад в семье китайского императора ежегодно использовалось 15 000 листов туалетной — толстой, мягкой, опрысканной благовониями — бумаги, то в Европе туалетная бумага будет изобретена наново только в 1860-е гг. (Заметим в скобках, что британский изобретатель Джеймс Оллок чуть было не разорился — товар поначалу шел плохо, спроса не было. Современная мягкая туалетная бумага появится в продаже в Америке только в 1907 году). В средние же века — грязь и дерьмо священны и сакральны. Христианский маразм доходил даже до того, что в уставе католического женского монастыря св. Клариссы в Мюнхене сестрам строго запрещалось пользоваться бумагой после посещения уборной. Результат не заставил себя долго ждать — в средние века Европа просто утопала в грязи и всевозможных эпидемиях. Пренебрежение гигиеной обошлось Европе очень дорого: в XIV веке от чумы («черной смерти») Франция потеряла треть населения, а Англия и Италия — до половины. Многие города вымерли почти полностью. Жители бежали из пораженных чумой городов и боялись возвращаться назад — потому что Черная Смерть тоже возвращалась и забирала тех, кому посчастливилось в первый раз. Деревни тоже опустели и многие поля превратились в пастбища или заросли лесом. Чума унесла 25 миллионов жизней, одну четвертую часть населения континента, но вот парадокс — христиане сочли чуму наказанием за грехи, в том числе и за посещение бань!

Прошли столетия, прежде чем человечество вновь подружилось с водой и вспомнило о пользе мытья в бане. Но если в случае с разрушенными банями еще можно попробовать искать объяснение, то чем христианам не угодила канализация, на первый взгляд не понятно.

Из истории туалета

Автор вузовского учебника «Культурология», приводя замечание безымянного сантехника: «Цивилизация начинается с канализации», добавляет: «Не исключено, что он был недалек от истины» (П. С. Гуревич. *Культурология. Учебник. М., 2000*). В наше время прогрессивное человечество ежегодно отмечает Международный день туалета (19 ноября).

Изобретение туалета уходит корнями в глубь веков, и уже сложно сказать, где этот признак цивилизации появился впервые. По одной из версий, первый туалет был построен на острове Крит задолго до начала нашей эры. «Продвинутые» жители Крита уже тогда делали внутренние туалеты со смывом. Выглядели они, как каменные стульчаки, к которым при помощи сложной системы труб подводилась вода. 3800 лет назад их придумала царица Крита, присевшая облегчиться возле ручья и увидевшая, как все, что она извергла, было смыто течением. Пробраз туалета, предназначенного для практического применения, появился приблизительно 3000 лет до н.э. в Месопотамии. Канализация уже существовала в Древнем Египте: археологи обнаружили там сточные каналы, которым свыше 2500 лет, а стульчак из известняка, найденный близ Тель-эл-Амарны, датируется ориентировочно 1350 г. до н. э. Такой же древний туалет относится к цивилизации Мохенджо-Даро (2500 лет до н.э. на территории нынешнего Пакистана). Это кирпичное сооружение со стульчаком, связанное с подземной сточной системой. Более продвинутые системы подземного отвода дождевых и бытовых стоков существовали в Вавилоне, Карфагене, Иерусалиме. Как отхожее место клозет впервые повсеместно встречается в V в. до н.э. в Афинах, где воду и нечистоты с площадей отводили при помощи специального канала глубиной и шириной 1 метр. В Китае, в захоронении императора западной династии Хан (206 год до н.э. — 24 год н.э.), следопыты нашли каменное сидение с подлокотниками и сливной бачок, наполнявшийся проточной (водопроводной!) водой.

Однако самая известная из клоак — *Клоака максима* — была проведена в Риме. Построенная в VII—VI веках до нашей эры, она имела она около пяти метров в ширину и оставалась самой совершенной системой еще многие века после того. История канализации хранит сведения о роскошных уборных (фриках), которые в Древнем Риме служили местом

встреч и бесед под журчание сливных ручьев. Развитию сортиров не помешал даже налог на латрины (общественные туалеты), введенный в I-ом веке римским императором Веспасиану. Этот туалетный налог обогатил мировой лексикон выражением «деньги не пахнут» (*Rescupia non olet*). Что касается территории современного Евросоюза, то единственное упоминание о сортире — в саге о Торстейне Морозе, а это — Исландия века как максимум XI -го. Исландия, как известно, и сегодня — страна языческая, христианство там не прижилось.

С приходом христианства будущие поколения европейцев забыли о туалетах со смывом на полторы тысячи лет, повернувшись лицом к ночным вазам. Роль забытой канализации выполняли канавки на улицах, где струились зловонные ручьи помоев. Забывшие об античных благах цивилизации люди справляли теперь нужду где придется. Например, на парадной лестнице дворца или замка. Французский королевский двор периодически переезжал из замка в замок из-за того, что в старом буквально нечем было дышать. Ночные горшки стояли под кроватями дни и ночи напролет. К мытью тела тогдашний люд относился подозрительно: нагота — грех, да и холодно — простудиться можно. Горячая же ванна нереальна — дровишки стоили уж очень дорого, основному потребителю — Святой Инквизиции — и то с трудом хватало, иногда любимое сожжение приходилось заменять четвертованием, а позже — колесованием.

С вонью и антисанитарией Средневековья пытались бороться деятели эпохи Возрождения. Вот формула одного из изобретений Леонардо да Винчи: «Сиденью нужника так поворачиваться, как окошечку монахов, и возвращаться в свое первое положение противовесом. Крышка над ним должна быть полна отверстий, чтобы воздух мог выходить». Но теоретические разработки Да Винчи на практике оказались никому не нужны. Народ продолжал испражняться где придется, а королевский двор — в коридорах Лувра. Впрочем, ограничиваться коридорами уже не приходилось — в моду вошло отправление нужд прямо на балу. Позже для спасения от вони будет найден другой, альтернативный предложениям Да Винчи, выход: люди начнут пользоваться духами.

Верх сортирного комфорта в те времена выглядел примерно так, как показано в фильме «Черный Рыцарь» — дыра с лежащим рядом пучком соломы... Взгляните на старинные гравюры: небольшие пристройки на внешних стенах замков и домов — это вовсе не сторожевые башенки для стрелков, а сортиры с отверстиями системы «очко», только испражнения стекали не в отстойники или в выгребные ямы, а падали на зазевавшегося под стенами замка крестьянина. Подобные «ласточкины гнезда» можно увидеть в орденских замках в Прибалтике. В Шато-Гайаре все было устроено примерно так же и рутьеры (бандиты-наемники) взяли Шато-Гайар, ворвавшись через те самые сортирные отверстия. В этих сортирных башнях висели крючья для одежды — но не удобства ради, а потому что считалось, что амбре убивает блох. Зато в замках Люксембурга и Швейцарии наличие туалета приветствовалось, ибо сток направлялся в подконтрольное ущелье — враг не пройдет! В городах же ходить по улицам становилось все более затруднительно.

Из-за постоянной грязи почти все члены думы ходят в думу в деревянных башмаках, и когда сидят в зале совета, деревянные башмаки стоят за дверью. Глядя на них, можно отлично сосчитать, сколько человек явилось на заседание... (*Книга для чтения по истории Средних веков. Ч. 2./ Под ред. С.Д. Сказкина. – М., 1951*)

Позже деревянные ботинки уже не будут спасать от грязи и дерьма, и в моду войдут ходули, как единственное возможное средство передвижения по засранным улицам

средневековых городов...

Отдельные экзотические попытки «унитазостроения» были лишь забавой. В XVI веке сэр Джон Харрингтон порадовал английскую королеву Елизавету (которая гордилась тем, что мылась раз в месяц) занятной вещицей под названием «ватерклозет» — устройством с автоматическим смывом того, что туда наложили (в Китае аналогичный «ватерклозет» был за две тысячи лет до того). Над изобретением Харрингтона посмеялись, как над забавной безделушкой, и забыли о нем на пару веков, продолжая выбрасывать содержимое всех ночных горшков и помойных ведер на улицы.

Франция

Романтический Париж времен трех мушкетеров представлял собой зловонную выгребную яму.

Александр Никонов «Ангрейд обезьяны»

«Тот, кто освободил бы город от страшной грязи, стал бы самым почитаемым благодетелем для всех его обитателей, и они воздвигли бы в его честь храм, и они молились бы на него» — писал французский историк Эмиль Мань в книге «Повседневная жизнь в эпоху Людовика XIII». Но таких «освободителей» никак не находилось.

С тех пор, как король Франции Филипп-Август в XII веке упал в обморок от невыносимой вони, поднявшейся от проезжавшей мимо дворца телеги, взрыхлившей наслоения уличных нечистот, с антисанитарией в Париже ничего не менялось вплоть до середины XIX века.

За отсутствием запрещенных христианством бань цивилизованный и просвещенный Париж плескался в городских фонтанах среди бела дня. Остальные граждане не мылись вовсе.

В Лувре, дворце французских королей, не было ни одного туалета. Даже типа описанных выше башенок с отверстиями и соломой. Опорожнялись во дворе, на лестницах, на балконах. При «нужде» гости, придворные и короли либо приседали на широкий подоконник у открытого окна, либо им приносили «ночные вазы», содержимое которых затем выливалось у задних дверей дворца.

комментарий Циника: Приседать на широкий подоконник для дефекации не очень то удобно. Жопка может перевесить, особенно если пьян или бесы вокруг летают от спорыньи. Наверняка и падали пачками. Логичнее было бы продлить окно до пола, но защитить проем решеткой... Кажется, мы говорим об истории появления так называемых «французских балконов»?

То же творилось и в Версале, например во время Людовика XIV, быт при котором хорошо известен благодаря мемуарам герцога де Сен Симона. Придворные дамы Версальского дворца, прямо посреди разговора (а иногда даже и во время мессы в капелле или соборе), вставали и непринужденно так, в уголочке, справляли малую (и не очень) нужду. Известна история, которую так любят рассказывать Версальские гиды, как однажды к королю прибыл посол Испании и, зайдя к нему в опочивальню (дело было утром), попал в неловкую ситуацию — у него от королевского амбре заслезились глаза. Посол вежливо попросил перенести беседу в парк и выскочил из королевской спальни как ошпаренный. Но в парке, где он надеялся вдохнуть свежего воздуха, незадачливый посол просто потерял сознание от вони — кусты в парке служили всем придворным постоянным отхожим местом, а слуги туда же выливали нечистоты.

Король-Солнце, как и все остальные короли, разрешал придворным использовать в качестве туалетов любые уголки Версаля и других замков. Стены замков оборудовались тяжелыми портьерами, в коридорах делались глухие ниши. Но не проще ли было оборудовать какие-нибудь туалеты во дворе или просто бегать в тот, описанный выше, парк? Нет, такое даже в голову никому не приходило, ибо на страже Традиции стояла ...диарея. Беспощадная, неумолимая, способная застигнуть врасплох кого угодно и где угодно. При соответствующем качестве средневековой пищи понос был перманентным. Эта же причина прослеживается в моде тех лет (XII-XV вв.) на мужские штаны-пantalоны состоящие из одних вертикальных ленточек в несколько слоев.

комментарий Циника: «Та парижская мода на большие широкие юбки, очевидно, вызвана теми же причинами. Хотя юбки использовались также и с другой целью — чтобы скрыть под ними собачку, которая была призвана защищать Прекрасных Дам от блох, но проблема диареи явна более глобальна. Представь — на балу вдругхватило, а юбка — узкая. Проблема. Или юбку испачкаешь, или задрать придется, да и не успеть можно. А с широкой юбкой — отбежала к стене, присела в реверансе на минутку, да и дальше пляшешь.

Естественно, набожные люди предпочитали испражняться лишь с Божией помощью — венгерский историк Иштван Рат-Вег в «Комедии книги» приводит виды молитв из молитвенника под названием: «Нескромные пожелания богобоязненной и готовой к покаянию души на каждый день и по разным случаям», в число которых входит «*Молитва при отправлении естественных потребностей*».

комментарий Циника: Ну, видимо, «Господи, избавь меня от дриспания! Я не успеваю менять панталоны!». Хотя, они их, наверное и не меняли... Сам Рат-Вег, кстати, текста молитвы не приводит, но для интересующихся дает ссылку: (1843, без обозначения места издания. См.: Wander K. F. W. Deutsches Sprichwörter-Lexicon. Leipzig, 1867, I. 1382)

История туалета из журнала Консьержъ

В средневековом Париже отходы выливали в окно

Средние века не принесли нововведений в части туалетостроения. Крестьяне по-прежнему ходили в уличные туалеты, а в обнесенных стенами городах и крепостях появились сортиры, встроенные в стены. Результаты человеческих усилий стекали за стены города. Представьте себе запах, окружающий средневековые города! Невзирая на новинки инженерной мысли в виде покатых желобов, города продолжали плохо пахнуть. Особенно в этом преуспел Париж. Изданный в 1270 году закон гласил, что «парижане не имеют права выливать помой и нечистоты из верхних окон домов, дабы не облить оным проходящих внизу людей». Не подчиняющимся следовало платить штраф. Однако этот закон вряд ли

исполнялся – хотя бы потому, что через сто лет в Париже был принят новый закон, разрешающий-таки выливать помои из окон, прежде трижды прокричав: «Осторожно! Выливаю!» Тех, кто оказывался внизу, спасали только парики. Однако не только простые парижане лили друг другу на головы свои отходы, этим же занималась и французская знать. В 1364 году человек по имени Томас Дюбюссон получил задание «нарисовать ярко-красные кресты в саду или коридорах Лувра, чтобы предостеречь людей там гадить – чтобы люди считали подобное в данных местах святотатством». Добраться до тронного зала было само по себе очень «запашистым» путешествием. «В Лувре и вокруг него, – писал в 1670 году человек, желавший строить общественные туалеты, – внутри двора и в его окрестностях, в аллеях, за дверьми – практически везде можно увидеть тысячи кучек и понюхать самые разные запахи одного и того же – продукта естественного отправления живущих здесь и приходящих сюда ежедневно». Периодически из Лувра выезжали все его знатные жильцы, чтобы дворец можно было помыть и проветрить.

Будущее без запаха

Леонардо да Винчи был настолько напуган парижским зловонием, что спроектировал для короля Франсуа Первого туалет со смывом. В плане великого Леонардо были и подводящие воду трубы, и канализационные трубы, и вентиляционные шахты, однако... Как и в случае с вертолетом и подводной лодкой, Леонардо поторопился и с созданием туалета – всего-то на каких-нибудь пару сотен лет. Туалеты построены не были. В те же времена среди знати был популярен некий вид «портативного унитаза» – банкетки с дыркой сверху и вынимающимся изнутри резервуаром. Мебельщики изошрялись, вуалируя стульчаки под стулья, банкетки, письменные столы и даже книжные полки! Все сооружение обычно богато украшалось деревянной резьбой, тканевой драпировкой, позолотой.

В те времена помпезность туалетных процедур могла означать действительно реальную власть. Король Франсуа (правил с 1515 по 1547 год) был первым, кто придумал «королевские приемы на горшке». Королева-мать Екатерина Медичи также устраивала у себя подобные приемы, а когда ее муж умер, сменила бархат на стульчаке на черный. Следуя моде, вся французская знать также ввела в свой обиход «тронные приемы». Но наконец впереди забрезжило будущее без запаха. В 1775 году некий британец по имени Александр Каммингс догадался-таки согнуть отводную трубку унитаза в виде буквы «V», чтобы небольшое количество воды не выпускало запах испражнений. Каммингс – тот самый человек, перед которым за изобретение современного туалета со смывом человечество должно склонить голову. *(История туалета Консьержь 2 февраля 2004 года)*

Не имевшие канализации средневековые города Европы зато имели крепостную стену и оборонительный ров, заполненный водой. Он роль «канализации» и выполнял. Со стен в ров сбрасывалось дерьмо. Во Франции кучи дерьма за городскими стенами разрастались до такой высоты, что стены приходилось надстраивать, как случилось в том же Париже — куча разрослась настолько, что говно стало обратно переваливаться, да и опасно это показалось — вдруг еще враг проникнет в город, забравшись на стену по куче экскрементов. Стену надстроили. Но внутри, за стеной, было не лучше. В дождливые дни потоки дерьма неслись по улицам, бурля под десятками никогда не пустовавших виселиц — мрачного украшения города — от Гревской площади до Круа дю Тируар, от моста Сен-Мишель до Нового моста.

Иногда Париж пытались от говна чистить. Первый такой «коммунистический субботник» в Париже был произведен в 1662 г., и это событие так поразило современников, что по его поводу была выбита медаль.

«Руанский сифилис и парижская грязь исчезают только вместе с теми, кого они коснутся», — говорит старинная пословица. Необходимость вдыхать удушающий запах этой грязи вынудила монсеньора Альфонса дю Плесси де Ришелье, кардинала- архиепископа Лионского, примаса Галлии, который, не

дрогнув, лечил больных чумой в своей провинции, отказаться от поездок в Париж даже тогда, когда его призывали туда важные дела, связанные с религией». (*Эмиль Мань Повседневная жизнь в эпоху Людовика XIII*)

Только в XIX веке во Франции произошел сдвиг в деле «сортиростроения» — появляются кабинки с короткими дверями, откуда всегда торчали чьи-то ноги. Стояли они не где-нибудь в тенечке, а на тротуарах главных улиц. Но в Латинском квартале Парижа еще в конце XIX века нечистоты просто пускали течь по улицам — там до сих пор в середине каждой улицы есть такая характерная ложбинка. Тогда дамам самое главное было — чтобы туда не попал подол платья...

Англия

Лондон не сильно отличался от Парижа. У англичан в «приличных» домах содержимое ночных горшков выливалось в камин. Не возбранялось и попросту мочиться в пылающий огонь. Пованявало, конечно, но зато в огне погибали зловерные бактерии. В начале XIV века в королевском дворе Лондона была устроена, рядом с банкетным залом, «частная комната», ее можно увидеть и сегодня. В этой комнате стоял стульчак, содержимое которого по покатому желобу скатывалось в расположенный под стеной замка ров с водой. Рвы, как известно, служили замкам защитой. Вскоре эти рвы превратились в источники бедствия.

Простые же люди, не владеющие каминами и «частными комнатами», также, как и по всей Европе, выливали продукты своей жизнедеятельности из окон. Разница была только в том, что власти, не полагаясь на сознательность граждан, не выпускали, как в Париже, заведомо неисполняемые указы, запрещающие выливать дерьмо на головы соседям, а учредили специальных городских сторожей. Одной из главных забот этих сторожей было предупреждение ночных прохожих об опасности. Сторож был обязан следить за окнами второго этажа, и если оттуда показывалась рука с горшком, то страж порядка кричал, предупреждая прохожего. Введена эта должность была первоначально указом английского короля, так как по по тогдашним устоям морали не было ничего более обидного, чем попасть под выплеск ночной вазы или помоев. А для горожан это был неплохой спорт, так как не было более веселого занятия, чем окатить говном вельможу познатнее. При этом вломиться тут же, по горячим следам, в дом обидчика было нельзя. Правда вламывались, и закалывали кинжалами — но тогда и сами подвергались судебному преследованию. В общем в городе оказалось проще ввести ночного смотрителя, чем изменить мораль и построить закрытую канализацию. На стороне такой морали стояла инквизиция, так как все происходившее ночью считалось кознями Дьявола. И признаться что тебя облили — позор, так еще и горожанин всегда мог сказать что это не он плеснул на графа, а нечистый.

Говно текло по улицам и переулкам, а воду брали в основном из колодцев — естественно, для питья и приготовления пищи. Заметьте — в итоге это была одна и та же вода. Грязная вода просачивалась в подземные водоносные горизонты, отравляя колодцы. Поэтому так и получалось, что вода оказывалась средой переноса всякой дряни. Когда эпидемии чумы и холеры унесли больше жизней, чем многочисленные войны, постепенно пришло осознание того, что чистое белье и тщательное мытье тела — лучшие предохранительные средства от повальных болезней. Английский парламент даже издал в XVII в. специальный билль о постройке бань, прачечных и об удешевлении стоимости воды. И опять скажем спасибо инквизиции — человек не мог уединиться для принятия водных процедур под страхом обвинения в колдовстве, а такие обвинения чреватые были костром. А бани (ею же, церковью) были признаны безнравственными. Поэтому, несмотря на билль о банях, еще в конце XVIII века по Лондону ходила реплика одной знатной дамы, которой во время ужина сделали замечание по поводу ее грязных рук, на что она возмущенно

парировала: «И это вы называете грязью? Видели бы вы мои ноги!» Только к середине XIX века уход за телом постепенно становился правилом приличия. Тогда же появляются зачатки канализации и унитаза (как тот, голландский фаянсовый, XIX века, в «квартире» Шерлока Холмса на Бейкер Стрит). Бывало, случались казусы — иногда унитазы делали такими красивыми, что гости с непривычки принимали их за супницы, как и расписные ночные горшки раньше. До того же времени, например в английских пабах высокого класса (для эсквайров и джентльменов), стулья всегда были с дырой по центру и горшком внутри. Вплоть до середины XIX века окна английского парламента практически никогда не открывались, потому что они выходили на Темзу, куда стекали все городские нечистоты. А даже просто постоять возле Темзы, игравшей таким образом роль главного коллектора городской канализации, было испытанием не для слабонервных.

В домах от вони было, конечно, также не спрятаться, как окна не завешивай. Эразм Роттердамский еще в начале XVI в. писал об Англии: «Все полы здесь из глины и покрыты болотным камышом, причем эту подстилку так редко обновляют, что нижний слой нередко лежит не менее 20 лет. Он пропитан слюной, экскрементами, мочой людей и собак, пролитым пивом, смешан с объедками рыбы и другой дрянью. Когда меняется погода, от полов поднимается такой запах, какой, по моему мнению, никак не может быть полезен для здоровья».

Германия

С канализацией дела обстояли так же, как и повсюду в Европе. В богатых домах Германии рыли ямы для нечистот под домами.

«История сохранила печальный случай, имевший место в 1183 году в Эрфуртском замке, где рыцари утонули в нечистотах. Под императором Фридрихом и его рыцарями провалился пол большого зала, и все попадали с 12-метровой высоты в выгребную яму и многие потонули, сами понимаете в чем» (А. И. Липков).

За последующие триста лет ничего, естественно, не изменилось, и император Фридрих III чуть было не повторил судьбу своего незадачливого предка: «Еще в конце XV века жители города Рейтлинга уговаривали императора Фридриха III (1440 – 1493) не приезжать к ним, однако он не послушался совета и едва не погиб в грязи вместе с лошадью...». (А.Л. Ястребицкая. Западная Европа XI – XIII веков. – М., 1978. – С. 53.) Это была общая проблема городов, куда новые жители из окружающих деревень переселялись вместе с домашним скотом и птицей – гуси, утки, свиньи бродили по улицам и площадям, загрязняя их экскрементами. По деревенской привычке мусор и экскременты из домов выбрасывали на улицу. Смрад стоял в воздухе, говно и грязь мутными потоками неслись по улицам, и проехать на телеге, не застрянув в дерьме, подобно Фридриху, было ох как не просто даже местному крестьянину. «На перекрестках обычно набрасывали большие камни или бревна на ширину шага — чтобы можно было перескочить через улицу как через широкий ручей. Но часто и этого оказывалось недостаточно...» (К.А. Иванов. Средневековый город и его обитатели. – СПб., 1915. – С. 12.)

Улицы утопали в грязи и дерьме настолько, что в распутицу не было никакой возможности по ним пройти. Именно тогда, согласно дошедшим до нас летописям, во многих немецких городах появились ходули, «весенняя обувь» горожанина, без которых передвигаться по улицам было просто невозможно. Германская мода на ходули, с помощью которых только и можно было перемещаться по засраным улицам, распространилась так широко, что во Франции и в Бельгии в средние века даже проводились состязания на ходулях между двумя лагерями, на которые разделялись жители.

История Фридриха, чуть не утонувшего в нечистотах вместе с увязшей в них лошадью, не могла бы случиться в Нюрнберге – самом крупном и «благоустроенном» городе Германии того времени, где магистрат в XIV веке в целях «очищения воздуха» решил запретить горожанам держать свиней на улицах. Как думаете, где их после этого указа в таком случае держали?

В германских замках иногда все же делали сортиры даже со сливом. Например в замке Бург Эльц в средние века туалет находился в круглой боковой башне. Наверху во время дождей собиралась вода, потом открывалась заслонка, и все смывалось. Но вот в засушливый год...

Вонь от городских речек стояла невыносимая, находиться рядом было невозможно, и названия таких речек от французских не отличались. Во Франции — «Дерьмовка», в Германии — «Вонючка».

Только в 1889 году было организовано «Немецкое общество народных бань» с девизом: «Каждому немцу баня — каждую неделю». Энтузиастов чистоты не особенно поддерживали, и к началу Первой мировой войны на всю Германию было только 224 бани, зато в центре Берлина еще существовали общественные выгоны для скота.

Испания

Можно долго не писать — достаточно заглянуть на туристический сайт:

«Испания: Мадрид. Город имеет свою темную сторону, если пройтись по старым кварталам можно представить себе каким он был в средневековье, тяжелый запах до сих пор на его извилистых улицах, наверно не даром его когда то называли самой мрачной и грязной европейской столицей» (<http://www.travel-club.com.ua/doc/7703.html>).

То есть в Мадриде было еще «веселей», чем в Лондоне и Париже. Как говорится, комментарии излишни.

Профессор, доктор искусствоведения, А. И. Липков заинтересовался историей сортира, ибо, его же словами: «что ж за культура без цивилизованного унитаза?» После глубокого изучения вопроса пораженный профессор воскликнул: «Я всегда был против того, чтобы именовать средние века темными. А сейчас, углубляясь в сортирологию, поневоле задумываюсь: «А так ли уж не правы так говорящие?» С плодами исследований основателя «сортирологии» можно ознакомиться в его статьях «Шаланды полные фекалий», «Лицо нации, или Всемирная история сортира» и в первом российском монументальном труде об уборных под названием «Толчок к размышлению». Из этих познавательных материалов можно узнать, что возрождение древней канализации — дело лишь очень недавнего прошлого.

Мыться после стольких лет христианских запретов Европа также научилась совсем недавно. Писатель Владимир Набоков вспоминает в своем мемуарном романе «Другие берега», что его спасением во время путешествий по Англии, Германии и Франции в 20-30-е

годы XX века была резиновая походная ванна, которую он повсюду возил с собой. Ванные комнаты в Западной Европе — это в значительной мере достижение уже послевоенного времени.

Рыцари

На экране мрачное Средневековье во всей его красе: спутанные космы, нечесанные бороды, пыль и грязь. Дождь для артуровских воинов — ненадежное средство гигиены: смывает кровь, но не смывает вонь. (*аннотация к фильму «Король Артур»*)

Несмотря на появление таких достаточно адекватных рецензий к адекватным же реальной обстановке фильмам, вера в Доблестных Рыцарей и Прекрасных Дам никогда не умрет, ибо такая сказка многим психологически необходима, также как духовные костыли христианства необходимы верующему:

Мужчины вырождаются — а жаль.... Посмотрела фильм о мушкетерах... Господи! Я не в свое время родилась... Железный век — железные сердца... Так печально — похоже, в прошлое ушли шпаги, широкополые шляпы со страусиными перьями, конные прогулки на рассвете — атрибуты жизни, главная ценность которой — Честь! (с какого-то форума <http://www.farit.ru/forum/15697.html>)

Ну, про «широкополые шляпы со страусиными перьями» я ниже напишу, а про Рыцарей и Честь, мне, пожалуй, даже и писать не придется — все уже написано:

Мифы и реальность. Илья РАЙХЕР

Мифы и реальность

«Да, измывались современные мужички, — думают женщины. — Нет больше благородных рыцарей, готовых бросить к женским ногам весь мир, сразиться ради прекрасной дамы сердца с десятком великанов и любить ее беззаветно всю жизнь. Но приходится терпеть и таких, деваться-то некуда». И тут дамы начинают мечтать о том, какие раньше «были мужчины», как хорошо было бы жить в средневековом рыцарском замке, с прислугой, готовой выполнить любой дамский каприз... И до чего, наверное, увлекательно было наблюдать за турнирами, на которых рыцари бьются не на жизнь, а на смерть за твой носовой платок... Короче, дамы рисуют в своем воображении образ прекрасного романтического героя и мифического «золотого бабьего века», когда женщинам жилось вольготно, а все мужики были не «сволочи» (как сейчас), а благородными кавалерами и рыцарями. Увы, все это не более чем миф, и, повстречай современная женщина на своем пути настоящего рыцаря, поверьте, она была бы в ужасе от этой встречи. Созданный женским воображением и подкрепленный романтическими рассказами образ сильного, красивого и добродетельного рыцаря, беззаветно преданного своей возлюбленной, не имеет ничего общего с реальностью. Слишком уж не похож настоящий рыцарь на того, о ком можно мечтать...

Сердцеед в латах

Вот как, например, по данным европейских археологов, выглядел настоящий французский рыцарь на рубеже XIV-XV вв: средний рост этого средневекового «сердцееда» редко превышал один метр шестьдесят (с небольшим) сантиметров (население тогда вообще было низкорослым). Небритое и немывое лицо этого «красавца» было обезображено оспой (ею тогда в Европе болели практически все). Под рыцарским шлемом, в сваливавшихся грязных волосах аристократа, и в складках его одежды во множестве копошились вши и

блохи (бань в средневековой Европе, как известно, не было, а мылись рыцари не чаще, чем три раза в год). Из рта рыцаря так сильно пахло, что для современных дам было бы ужасным испытанием не только целоваться с ним, но даже стоять рядом (увы, зубы тогда никто не чистил). А если средневековые рыцари все подряд, запивая все это кислым пивом и закусывая чесноком — для дезинфекции. Кроме того, во время очередного похода рыцарь сутками был закован в латы, которые он при всем своем желании не мог снять без посторонней помощи. Процедура надевания и снятия лат по времени занимала около часа, а иногда и дольше. Разумеется, всю свою нужду благородный рыцарь справлял... прямо в латы. Кроме того, на солнышке в латах ему было невыносимо жарко... Но снимать свою броню во время боевого похода бесстрашный рыцарь не рисковал — в смутные времена средневековья было полно киллеров. Лишь в исключительных случаях, когда вонь из-под рыцарских лат становилась невыносимой и под лучами полуденного солнца они раскалялись так, что терпеть уже не было мочи, благородный рыцарь орал слуге, чтобы тот вылил на него сверху несколько ушатов холодной воды. На этом вся рыцарская гигиена заканчивалась. Но наверняка это было райское наслаждение... Что касается пресловутого рыцарского отношения к женщинам, то и здесь писатели-романисты все перевернули с ног на голову. О ком мечтает большинство девиц, ожидающих своего рыцаря на белом коне? О благородном защитнике, всегда готовом подставить свое рыцарское плечо даме, беззаветно влюбленном в нее, оказывающем ей знаки внимания и ради одного ее поцелуя совершающем необыкновенные подвиги. Увы, как свидетельствуют историки, в природе таких рыцарей никогда не было.

Защитник чести...

Средневековые архивы дают массу свидетельств того, что женщинам во времена рыцарей жилось весьма и весьма несладко. Особенно худо было простолюдникам. Оказывается, в рыцарской среде было принято во время походов насиловать молодых деревенских девиц, и чем больше таких «подвигов» совершал странствующий рыцарь — тем больше его уважали. Никакого трепетного отношения к женской чести у рыцарей не было и в помине. Напротив, к дамам средневековые рыцари относились, по нынешним меркам, весьма грубо, абсолютно не считаясь с мнением и пожеланиями последних. Представления о защите женской чести у рыцарей тоже были весьма специфичными: по понятиям того времени каждый рыцарь считал, что его собственные честь и достоинство оскорблены, если он видел женщину, принадлежащую другому рыцарю. Отбить женщину у собрата по мечу каждый рыцарь считал своим долгом. С этой целью он либо сразу бросался в бой, либо, говоря нынешним криминальным языком, «забивал стрелку» конкуренту на ближайшем рыцарском турнире. Причем мнения той, из-за которой разгоралась драка, никто не спрашивал — дама автоматически доставалась тому, кто побеждал в рыцарской разборке.

Средневековая кулинария

Как обедали Рыцари

Как обедали воспетые в балладах Доблестные Рыцари? Ведь известно, что в средневековье гигиене большого значения не придавали, в старинных обеденных залах по углам частенько валялись экскременты, палаты кишели вшами и клопами, а застолья частенько напоминали шашлык пьяных викингов в свинарнике. Известен, например, обычай вытирания жирных рук о волосы пажей и шерсть собак. Вот как описывает обеденные ритуалы Средневековья Иштван Рат-Вег (Istvan Rath-Vegh), венгерский историк, прославившийся своими бытописаниями курьезной истории человечества. В 1624 году мажордом одного из австрийских великих герцогов счел необходимым предупредить господ кадет инструкцией, как надлежит вести себя за столом великого герцога, если они будут к

нему приглашены. В инструкции говорилось: «Хотя, вне сомнения, что приглашаемые господа офицеры за столом Его императорского и королевского Высочества всегда соблюдали правила чистоплотности и вели себя как подобает рыцарям, все же необходимо привлечь внимание менее отесанных кадет к следующим правилам. Во-первых. Его Высочеству надлежит отдавать приветствие всегда в чистой одежде и сапогах и не являться в полупьяном виде. Во-вторых. За столом не раскачиваться на стуле и не вытягивать ноги во всю длину. В-третьих. Не запивать каждый кусок вином. Если управились с тарелкой блюда, то можете выпить только половину кубка; прежде чем испить, утрите чисто рот и усы. В-четвертых. Не лезть в тарелку руками, не бросать костей себе за спину либо под стол. В-пятых. Не обсасывать пальцев, не сплевывать в тарелку и не вытирать нос о скатерть. В-шестых. Не напиваться до такой степени, чтобы падать со стула и быть не в состоянии ходить прямо». Из отеческого наставления следует, что цвет австрийской армии проделывал-таки запрещенные действия. Лез руками в тарелку, швырял кости за спину и на пол, употреблял скатерть вместо носового платка и не только что обсасывал пальцы, но и допивался до степени, «чтобы падать со стула и быть не в состоянии ходить прямо».

Австрия, конечно не была исключением, в Германии, к примеру, рыцарские нравы нисколько не отличались, о чем сами немцы и рассказывают, хотя и с оговоркой о записях «хитрых трактирщиков»:

Поведение за столом

Куриные ножки и фрикадельки раскидывали во все стороны, грязные руки вытирали об рубашку и брюки, рыгали и пукали сколько душе угодно, еду раздирали на части, а затем проглатывали не жуя... Так или приблизительно так мы, начитавшись записей хитрых трактирщиков или их посетителей-авантюристов, представляем себе сегодня поведение рыцарей за столом. В действительности все было не столь экстравагантно, хотя существовали и курьезные моменты, поражающие нас. Во многих сатирах, правилах поведения за столом описаниях обычаев принятия пищи отражено, что нравственность не всегда занимала место за столом вместе со своим хозяином. К примеру, запрет сморкаться в скатерть не встречался бы столь часто, коль эта дурная привычка не была бы весьма часто распространена. (Ronald Vetter «Die Küche im Mittelalter» 2003 Trina КИР «Берн», СПб Средневековая кухня)

Столовые приборы и посуда

Первая вилка появилась в 11 веке у венецианца Доменико Сильвио. До этого ели руками или в перчатках, чтобы не обжечься. Хлеб часто служил не только вместо тарелки, но и вместо ложки: супы и пюре из овощей ели следующим образом: брали куски хлеба и, макая их в пищу, опустошали посуду. В остальных случаях за столом обычно действовало старое правило: «Бери пальцами и ешь». Траншир (так называлась почетная должность при дворе, занимать которую мог только дворянин) разделял кушанья на удобные для рук порции и распределял их среди участников трапезы.

Прижиться вилке в Европе из-за ее «дьявольской» формы и византийского происхождения было весьма непросто. Пробиться на стол «трезубец дьявола» с трудом смог только в качестве прибора для мяса, а в эпоху Барокко споры о достоинствах и недостатках вилки ожесточились. Столовый нож с закругленным лезвием ввел кардинал Ришелье — в целях безопасности.

Также тяжело было завоевать себе признание в Средневековье и тарелке индивидуального пользования. Глубокую тарелку для супа придумал сменивший Ришелье кардинал Джулио Мазарини (тот самый, у которого служил реальный Д'Артаньян). До этого первое ели из общего казанка, обтирая на виду у всех демонстративно ложку после каждого опускания в свой рот и перед каждым погружением в общую супницу. После «изобретения» появляются деревянные тарелки для низших слоев и серебряные или даже золотые — для высших, однако обычно вместо тарелки для этих целей использовался все тот же черствый

хлеб, который медленно впитывал и не давал испачкать стол.

Что ели

Если в начале средневековья в Европе одним из основных продуктов питания были желуды, которые ели не только простолюдины, но и знать, то впоследствии (в те редкие года, когда не было голода) стол бывал более разнообразным. Модные и дорогие специи использовались не только для демонстрации богатства, они также перекрывали апах, источаемый мясом и другими продуктами. Мясные и рыбные запасы в средневековье зачастую засаливали, чтобы они как можно дольше не испортились и не стали бы причиной болезни. А, следовательно, специи были призваны заглушать не только запахи но и вкус — вкус соли. Или кислятины.

Сейчас нам кажется странным, что жареное мясо в средние века зачастую еще и доваривали в бульоне, а приготовленную курицу, обваливая в муке, добавляли в суп. При такой двойной обработке мясо теряло не только свою хрустящую корочку, но и вкус. Но иначе — не разжевать, не стоит забывать о более чем незначительном развитии зубо-стоматологического дела в то время. Дела с гигиеной полости рта в отсутствие волшебного «блендомеда» обстояли не лучшим образом, чем с гигиеной тела. К концу своей весьма недолгой, как правило, жизни, люди лишались практически всех своих зубов. Отнюдь не старая Кормилица в трагедии Шекспира говорит о Джульетте:

Четырнадцать зубов своих отдам
(Хоть жаль — их всех-то у меня четыре),
Что ей еще четырнадцати нет.

При этом, если высокое сословие хотя бы стеснялось многочисленных брешей в зубном ряду (Елизавета Английская, например, драпировала их кусками материи), то бедняки подобных комплексов были лишены напрочь. Плохо расходилась книга доктора медицины из Салона — магистра Мишеля Нострадамуса (Лион 1572. г., библиот. Мазарини N 29289). Нострадамус в книге учил «Как приготовить порошок, вычистить и обелить зубы, как бы красны и черны они ни были...» Это на фиг никому было не нужно, и разочаровавшийся в коммерческом успехе медицинских книг Нострадамус решил, что лучше заняться предсказаниями. (Отметим в скобках, что зубная паста, представляющая собой смесь вина и пемзы, была изобретена египтянами примерно 5000 лет назад.)

комментарий Циника: Вполне логично предположить, что речь, произнесенная беззубым ртом была эээ... несколько шепелявой. «кассшелек, касссишлек (с) «Место встречи изменить нельзя»». А ты думаешь все эти шипящие, свистящие и прочие «оксфордские акценты» откуда? Think about that...

А как же разжевать жесткое мясо совсем беззубой челюстью? На помощь приходила смекалка: мясо разминалось в ступке до кашеобразного состояния, загущалось с помощью добавления яиц и муки, а полученная масса обжаривалась на вертеле в форме вола или овцы. Также иногда поступали с рыбой, особенностью этой вариации блюда было то, что «кашку» заталкивали в искусно стянутую с рыбы кожу, а затем варили или жарили. Соответствующее состояние стоматологии повлияло также на то, что овощи обычно подавали в виде пюре (измельченные овощи смешивались с мукой и яйцом). Первым, кто начал подавать овощи к столу порезанными на кусочки был метр Мартино. Генрих VIII-й признан кулинарным революционером за то, что привил своему двору любовь к обильным мясным блюдам. До него, конечно, мясо ели, но не в качестве главного блюда. В качестве приправ использовали

разные уксусы и недопереваренные остатки животной пищи вместе с потрохами.

«Иногда для важных персон накрывали особый, высокий стол. Блюда подавали в закрытых сосудах: как для того, чтобы сохранить пищу горячей, так и для того, чтобы предохранить ее от грязи (в пищу могли попасть насекомые, может, даже и мелкие животные) и от яда...» (А.Л. Ястребицкая. *Западная Европа XI – XIII веков*. – М., 1978. – С. 67 – 71.)

Но это «буржуи», а простой народ ест кашу. Следует заметить, что каша того времени существенно отличается от наших нынешних представлений об этом продукте: средневековую кашу нельзя назвать «кашеобразной», в том значении какое мы сегодня придаем этому слову, она была довольно твердой, ее можно было резать. Еще одна особенность той каши заключалась в том, что несущественно было, из чего она состоит. Такое положение вещей сохранялось вплоть до XVIII столетия, когда на смену каше пришел картофель. На ужин вместо каши использовалась тюря из хлеба: «Вечерняя трапеза нередко заключалась в тюре из остатков хлеба, размоченных в молоке». (Ф. Бродель. *Структуры повседневности. Возможное и невозможное. Т.1*. – М., 1986. – С. 292)

Национальная кухня крестьянина французского, немецкого, или английского в средние века горячих блюд не имела. У французов был «луковый суп» — когда луковицу в воду стругают, плюс еще некоторые другие овощи. Но его не варят. Так дрова сэкономили. Простой народ не имел права рубить леса для собственных нужд. Как правило при поимке порубщика вешали тут же. К тому же времени относится и запрет на охоту.

Вода, употребляемая для питья и приготовления пищи, являлась разносчиком всевозможной заразы, в особенности холеры:

«В Париже главным источником воды оставалась сама Сена. Ее вода, которую продавали водоносы, считалась обладающей всеми достоинствами: будучи заиленной, она лучше держит лодки (что, правда, мало интересовало пьющих ее), превосходна для здоровья — а вот в этом можно усомниться...Очевидец писал: "...В воду многие красильщики три раза в неделю выливают свою краску... Вся эта часть города пьет омерзительную воду". И уж лучше вода из Сены, чем из колодцев левого берега, никогда не бывших защищенными от ужасающих нечистот, — вода, на которой булочники замешивают свой хлеб». (Ф. Бродель. *Структуры повседневности. Т.1*. – М., 1986. – С. 248.)

Если кто-то от такой диеты серьезно заболел, то «на помощь» приходила средневековая медицина:

«Кровопускание и очистка желудка оставались основными, если не единственными лечебными средствами... Еще в XIV и XV веках **лучшие специалисты рекомендовали такой способ борьбы с болезнью, как подвешивание за ноги, чтобы яд вышел из ушей, носа, рта и глаз**. Хирургия находилась под запретом, кроме практической хирургии, которая была отдана не врачам, а цирюльникам». (А.Л. Ястребицкая. *Западная Европа XI – XIII веков*. – М., 1978. – С. 63.)

Духи и косметика

Римские бани, термы, остались только в изображениях на картинах. Христианская Европа бань уже не знала. Духи — важное европейское изобретение — появились на свет именно как реакция на отсутствие бань. Первоначальная задача знаменитой французской парфюмерии была одна — маскировать страшный смрад годами невымытого тела резкими и стойкими духами.

Еще король Филипп-Август (тот самый, потерявший сознание от парижской вони) решил с запахами бороться единственным доступным ему способом: в 1190 году он издал поощрительные правила, предоставляя привилегии тем, «кто имеет право готовить и продавать все сорта духов, пудры, помады, мази для белизны и очищения кожи, мыла, душистые воды, перчатки и кожаные изделия». Но народу тогда было наплевать, как кто пах, привыкли уже, и духами никто не пользовался.

Это благородное дело борьбы с вонью продолжил Король-Солнце. Проснувшись однажды утром в плохом настроении (а это было его обычное состояние по утрам, ибо, как известно, Людовик XIV страдал бессонницей из-за клопов), король повелел всем придворным душиться. Речь идет об эдикте Людовика XIV, в котором говорилось, что при посещении двора следует не жалеть крепких духов, чтобы их аромат заглушал зловоние от тел и одежд. Но хотя французский король велел придворным активно пользоваться духами, чтобы хоть как-то разбавить неприятный запах, исходящий от них, сам монарх мыться брезговал и за всю свою сознательную жизнь умывался всего лишь несколько раз, вследствие чего своим «королевским» запахом смущал послов, что русских, что испанских (см. выше). Единственная гигиеническая процедура, которой подвергал себя Людовик XIV — умывание рук винным спиртом. Видимо, так ему идея о духах и пришла. А может лукавая история сместила акценты, и на самом деле придворные сами упростили Людовика озаботиться духами, так как не могли больше выносить запах Его Величества.

Как бы там ни было, Король-Солнце сам не заметил, что законодательно объявил новую концепцию хорошего запаха, обозначив таким образом разность подходов, назовем их условно: Восточный и Западный метод. С давних времен люди боролись с запахом пота, прибегая для этого к различным ухищрениям. В Древнем Риме, например, с этой целью применяли эфирные масла и принимали ароматические ванны, а в период средневековья стали пытаться запах заглушить. То есть в Риме люди старались пахнуть хорошо, а в Европе — не пахнуть плохо.

«На Западе и Востоке к ароматам отношение разное. В странах Европы в средневековые люди почти не мылись и, чтобы отбить вонь, обмазывали себя пахучими смесями из десятков ингредиентов». (врач-сексолог Диля Еникеева «А я милую узнаю по подмышкам»)

Первоначально эти «пахучие смеси» были вполне естественными. Дамы европейского средневековья, зная о возбуждающем действии естественного запаха тела, смазывали своими соками, как духами, участки кожи за ушами и на шее, чтобы привлечь внимание желанного объекта. Потом средневековые женщины решили, что мужчин привлекают беременные, и Прекрасные Дамы даже носили специальные подкладки под одеждой, имитирующие округлившийся животик, что символизировало их репродуктивную полноценность. В борьбе за внимание Благородных Рыцарей (см. выше) женщины в средние века, несмотря на отсутствие элементарных понятий о гигиене и на то, что весь косметический арсенал античности был давно предан забвению, продолжали пользоваться средствами макияжа. Румяна считалась признаком женщины легкого поведения, а Благородные Дамы использовали свинцовые белила, выщипывали брови и красили губы в ярко-красный цвет при помощи растительных красителей или, позже, помады с добавлением спермы быка.

Пудрились цинковыми и свинцовыми белилами слоем миллиметра в три, чтобы скрыть выпирающие прыщи. Одна сообразительная дамочка достигла поставленной цели, всего лишь наклеив на свой самый видный прыщик черную заплатку из шелка. *Так появилась страшно модная в средние века «мушка» (не путать со «шпанской мушкой») — она позволила сократить количество извести на лице.*

Или так, словами Циника: Так вроде считалось, что они имитировали пикантные родинки? Нет, красивое лицо — чистое лицо. Без всяких наростов. Для этого и штукатурка в три слоя. А скрывать придется то что выпирает. — Ах любезная Манон, какой отменный прыщ на вашей губе! — Ах что вы сударыня, это же просто родинка. — А что ж мы ее вчера не видели? — Да на себя посмотри, корова! Этикет знаете ли!

Чтобы выглядеть томно-бледной, дамы пили уксус. Собачки, кроме работы живыми блохоловками, еще одним пособничали дамской красоте: в средневековые собачьей мочой обесцвечивали волосы. Против такой дамской моды (не против метода с собачкой, а против обесцвечивания вообще) выступал еще архиепископ Кентерберийский Ансельм (тот самый ревностный защитник прав церкви и автор бредового онтологического доказательства существования Бога), публично провозгласивший блондирование волос нечестивым занятием и грозивший проклятием женщинам, которые это делали. Кроме светлых волос очень модными у женщин в эпоху средневековья стали косы, как реакция на массовый сифилис — длинные волосы призваны были показать, что человек здоров. Вскоре дамы решили соблазнять мужчин более откровенно — пришла мода на обнаженную грудь, женщины начали подвязывать под грудью пояс, чтобы приподнять корсаж. Церковь всячески боролась с этими предметами одежды, ведь они делали женскую грудь чересчур обольстительной, что никак не подобало христианке. Ведь по буллам Папы Римского даже жена в постели с мужем «не должна шевелиться, руки должны быть вытянуты по бокам, и не мешать мужу в исполнении его долга», а думать о каком-то соблазнении — вообще грех смертный. В XVII веке кардинал Мазарини (интересно, от балды ли показанный торговцем кокаином — «дьявольским порошком» в недавнем фильме с Депардье и Буке «Бланш») даже издаст эдикты, запрещающие изготовление деталей женского туалета, ибо по христианским понятиям платья должны были скрывать все изгибы фигуры, дабы не будить вожделение. Но если запретительные указы не могли заставить женщин отказаться от корсетов и поясов, то указ, предписывающий использование духов, пришелся дамам по вкусу — они увидели в духах возможность обладать *индивидуальным* запахом, когда от остальных, еще не душившихся соперниц стандартно пахло застарелой спермой, дерьмом и немывшим телом.

Поскольку Благородные Рыцари не хотели отставать от Прекрасных Дам (да и тоже должны были указ выполнять), то духам было уготовано большое будущее.

комментарий Циника: Запах немывших ног, запах изо рта — это далеко не самое страшное. Вы представляете как пахнет взмыленный конь? Вот примерно так пах и ездок после дневного перегона... И он далеко не спешил принять ванну после тяжелого рабочего дня с смягчителем для воды и увлажнителем для кожи.

Поскольку характерный запах просто пропитал всю Европу насквозь, вполне очевидно, что одним из самых вожделенных товаров стали индийские благовония. Ну и пряности, способные придать блюду запах, отличный от окружающей атмосферы. И, конечно же, духи.

Мыться — по-прежнему не мылись, зато стали выливать на себя несметное количество разных ароматических снадобий. Грасские перчаточники, получившие патент на

производство духов еще от Людовика XIII в 1614 году, развернули производство. А через столетие Европа уже не могла без содрогания представить свою жизнь без грасских ароматов с французской Ривьеры. Почему именно перчаточники? Потому что моду на этот аксессуар из тонкой кожи, пропитанной ароматами, уже ввела во Франции Мария Медичи. Знатные дамы имели коллекции из сотен пар перчаток, которые скрывали их (дам) грязные руки. Эти же перчатки служили дамам за столом в отсутствие вилок. Впрочем, иногда мог поухаживать за Дамой и Благородный Рыцарь, подав кусочек мяса или куриную ножку на кончике шпаги или ножа (это пока Ришелье ножи не затупил и если у дамы еще оставались целые зубы).

Парфюмерные лавки наводнили столицы. Гигиене, правда, это никак не способствовало, ее так и не признавали. К чему? Есть духи, есть пудры, есть благовонные масла, и этим набором можно пользоваться хоть сто раз на дню. Чем больше намешано разных запахов, тем обольстительнее — так диктовала мода. Резкая вонь немытого тела плюс столь же резкий запах духов... Это хорошо обыграли Стругацкие в книге «Трудно быть богом», где Антона Румату чуть не вывернуло на прелестную Роксану, от одного ее запаха, смешанного с дорогими духами.

Духи, вопреки мнению романтиков, пахли не цветами — ароматы были в основном животного происхождения. Это и знаменитая чрезвычайной стойкостью бобровая струя (кастореум), и цибетин из желез цибетовой кошки, и мускус половых желез самца кабарги. Самый известный и основной компонент — отрыжка кашалота — амбра (отсюда и слово амбре). Это вещество — отходы пищеварения, образующееся в кишечнике кашалота. Оно выносится морем на берег и после удаления из массы «серой амбры» «клювов, челюстей, останков каракатиц и рыбьих костей, и сегодня входит в состав духов (как, впрочем, и все другие вышеперечисленные ингредиенты), о чем множество современных дам и не подозревает. Классический пример — Poison от Кристиана Диора. (Сильный запах амбры связан с интересным аспектом, которого я здесь касаться не буду — связь с проявлениями инстинкта каннибализма, отмеченная известным французским врачом Дидье Гранжоржем в книге «Дух гомеопатического лекарства. Что сказала болезнь», глава «Ambra grisea. Люди меня пожирают», СПб. Центр гомеопатии, 2001).

Перчаточников подстегивали конкуренты: «Алхимики ... составляли остро пахнущие мастики и эссенции, не боясь смешивать воедино мочу младенца с настойкой из лепестков герани, порошок истолченных болотных жаб они перемешивали с цветами индийской пачули» (В. Пикуль).

В Англии и Голландии XVII-XVIII вв., в отличие от Франции, и косметическими средствами, и духами было пользоваться запрещено.

Платок и галстук

Носовой платок вначале появился у монахов. Некоторые монахи, в отличие от всяких там «отцов-пустынников», были, можно сказать, чистюлями — они сами должны были стирать и чистить свою одежду, так постановил Ахенский собор 817 года. Постановления Бурсфельда требовали от монахов, чтобы они стирали свою сорочку раз в два месяца зимой и один раз в месяц — летом. В Клуни еженедельные дежурные стирали также носовые платки. Платки были почти метровой длины, и монахи носили их привешенными к поясу. Пользование носовыми платками также было строго регламентировано — выделения из носа или рта следовало тщательно растереть по полу ногой, не только для того, чтобы не вызвать тошноты у слабонервных братьев (как сказано в сборнике обычаев Эйнсхема), но и для того, чтобы братья во время молитвы не испачкали своей одежды.

Позже гигиеническое предназначение платка забылось, да и «развитие средневековой цивилизации принесло новые проблемы — мух, например, благодаря которым в готическом Средневековье появляется платок «фацолетто»: «Модным дополнением стал носовой

платок, но не в сегодняшней своей функции. Его не засовывали в карман, а держали в руке, чтобы отгонять мух». («Готическая мода «журнал «Силуэт», Таллинн. 1981 г). Если вы внимательно прочитали все вышеизложенное, то изобретение специального платка для «отгона мух» удивления вызывать не должно — существование огромного количества мух в тех условиях вполне естественно. В качестве гигиенической принадлежности носовые платки стали применяться только с XVIII века.

Одному из таких платков было суждено стать ...галстуком. Дело в том, что брошенная Людовиком XIV любовница Франсуаза де Блан отомстила очень тонко — подарив ему платок и сообщив при этом, что если король не будет его носить постоянно, то тут же потеряет корону. С тех пор суеверный монарх с платком не расставался. Ненавистный платок, спускавшийся до пупа, пачкался во время застолья, постоянно цеплялся за парик короля, попадал в суп и приводил королевскую особу в бешенство. Дворцовые же подхалимы, бывшие же не в курсе истинных причин такой «новой моды», в подражание стали носить подобные платки, для удобства сделав их поменьше. Так началась история галстука.

«Дело в шляпе». Д'Артаньян и реверанс

*Шляпы — это способ прикоснуться к истории
(сайт История ШЛЯПЫ)*

Как хорошо все-таки, что кино не стало одорофонным, то есть способным передавать запахи: насколько бы это подпортило романтику костюмных лент, киноподвигов Д'Артаньяна и т. п.!
(доктор искусствоведения А. Липков)

Как писалось в статье журнала «Консьержь»: «В Париже был принят новый закон, разрешающий-таки выливать помой из окон, прежде трижды прокричав: «Осторожно! Выливаю!» Тех, кто оказывался внизу, спасали только парики».

Эта фраза может вызвать два вопроса: точно ли именно парики спасали, и откуда и зачем эти самые парики взялись. Журналист здесь неточен: сразу после того, как французский король Людовик IX (XIII в.) был облит дерьмом из окна, после чего жителям Парижа было разрешено удалять бытовые отходы через окно, лишь трижды предварительно крикнув: «Берегись!», парики еще были не в моде, прикрывались люди капюшонами. Только позже, когда капюшоны стали считаться уже плебейством и ушли к шутам, знать стала переходить на парики. С выливанием же нечистот из окон в Париже ничего не менялось на протяжении веков — бороться с этим славным обычаем начали лишь в 1780 году (впрочем, Робер Бюрнан указывает, что и к 1830 г. с выливанием помоев ничего не изменилось).

«Заметное распространение шляпы получили с конца XVI века. Широкополые шляпы, которые носили роялисты в Великобритании и мушкетеры во Франции в XVII веке, могли произвести впечатление, но не были практичными». (журнал «Ателье» №5, 2002 г.)

Так забывается история :-). Действительно ли широкополые шляпы были так не практичны, или, как обычно, причины их появления просто приятней не вспоминать?

Явно, что дорогие и с трудом отстирываемые парики не были призваны служить защитой от льющихся сверху помой и фекалий. Наоборот, нужна была защита самих париков от такой напасти. Услуги парикмахера, изготавливавшего парики, стоили дорого. Профессия стала модной — в одном Лувре цирюльников было 5000 душ. Прачка обходилась дешевле, но в отсутствие «волшебного просто Тайда» и других стиральных порошков, отмыть дерьмо

от парика было сложновато. Для предотвращения проблем иногда использовался мешочек для волос (Haarbeutel) — в эпоху правления Людовика XIV длинные волосы (собственные или парик) вкладывались в длинный мешочек из тафты, украшенный лентой или розеткой. Мешочек предохранял волосы от «внешних воздействий», а одежду — от пудры и муки в причёске. Но мешочек надевать долго, да и для парадного туалета он, естественно, не использовался.

Если по прочтении всего, написанного выше, вам показалось, что я циник, то, уверяю, вы ошибаетесь. Ибо что же тогда сказать о моем приятеле, который на мой провокационный вопрос сразу ответил: защита голов и париков — широкополые шляпы мушкетеров. С этим было согласиться нетрудно. Греки до христианства шляпы (а-ля Гермес) только в путешествия надевали (или на полях, от солнца), а древним римлянам венков на голове было достаточно. В раннем средневековье вообще без полей обходились, чепец такой носили, типа буденовки — наследник классического фригийского шерстяного колпака. Широкополые же шляпы стали носить роялисты в Великобритании и мушкетеры во Франции, то есть там, где дерьмо больше всего и выливали. Еще я припомнил, что, к примеру, цилиндры с узкими полями — это изобретение сельских английских джентльменов. Им там на голову ничего не капало. А в ассоциируемых с образом лондонца котелках в начале XIX века красовались только английские лесники! (Опять же, в лесу дерьмо с неба не падает). Лишь к 1850-му году этот головной убор попал в город. Когда же в Европе помои сверху лить перестанут, появятся треуголка Наполеона и кепка Ленина. Но следующим выводом он даже меня смутил:

- Тогда и возникновение реверанса понятно.

- ???

- Что такое реверанс, помнишь?

Я напрягся и припомнил, что в средневековье к исполнению реверансов и поклонов относились с особым вниманием и в придворном обществе был учитель танцев, он же преподаватель изящных манер, реверансам обучающий. Что реверанс, или поклон, сопровождался снятием головного убора. Далее, не полагаясь на свою память, я взял энциклопедию и голосом Левитана зачитал: «Реверанс — почтительный поклон. Его характер зависел от формы и покроя одежды. Особое внимание в поклоне уделялось умению кавалера обращаться со своим головным убором. Он снимал шляпу перед поклоном и приветствовал даму». Статья словаря заканчивалась утверждением, что реверанс был «не только приветствием, но и танцевальными фигурами, которые придавали бальной хореографии черты торжественного величия». Я, все еще не понимая, взглянул на приятеля.

Подивившись моей тупости, тот продолжил:

- Ну неужели непонятно, что изначально реверанс имел своей целью всего лишь убрать обосранную вонючую шляпу подальше от чувствительного носа дамы?

Я был сражен такой простотой вывода, и перед моим внутренним взором предстал то самый первый скромняга-мушкетер (или кто он там был), который так поразил некую встретившуюся ему Даму, изогнувшись в танце-поклоне и ловко спрятав за спину свою шляпу, на которую только что вылил свою «ночную вазу» сонный бакалейщик со второго этажа. На вопрос удивленной Дамы наш Кавалер совершенно честно ответил: — «Это я из великого уважения к Вам!». Дама была поражена и рассказала о таком рыцарском отношении подругам. Те в свою очередь стали требовать аналогичного от своих кавалеров. Очень скоро уже мало кто понимал, зачем все это. Если же во время исполнения ритуала незадачливого кавалера совсем некстати кусали блохи, то па становились совсем замысловатыми, что и придавало реверансу те самые «черты бальной хореографии». Действие стало Традицией, и теперь мы на полном серьезе читаем о том, какой «величественностью и строгостью отличались реверансы и поклоны XV века».

комментарий Циника: Я бы не постулировал так однозначно, что «черты

бальной хореографии» реверансу обязательно придавали блохи. Могли также быть и другие причины. Например, тот же упомянутый понос. Если не вовремя приспичит, то и не так станцуешь...

Что же касается того, откуда вообще взялись парики, то тут додумывать уже почти ничего не приходится, это и так давно известно. Законодателем такой средневековой моды являлся сифилис.

Сифилис и парики

В Средневековые города косила не только чума, холера и эрготизм но и сифилис, любимое заболевание католической церкви, справедливо теперь иногда называемый «чумой Средневековья». Оспа, цинга и проказа нанесли относительно меньший вред. В Средние века католической церковью были объявлены грехом все половые отношения, не направленные на рождение детей. Однако это не помогло верхушке церковной конфессии — сифилисом страдали три Римских Папы: Александр VI (1431 — 1503), Юлий II (1443 — 1513), Лев X (1475 — 1521). В 1530 году итальянский врач Д. Фракасторо порадовал любителей изящной словесности поэмой «Сифилис, или Французская болезнь». Считалось, что болезнь распространилась благодаря легкомысленным французам. Сифилисом переболело в то время почти все население южной Европы, от святых отцов до уличных нищих. Успешное применение ртутных препаратов для лечения столь распространенного в то время сифилиса принесло особую славу Парацельсу.

Немецкий историк-эпидемиолог профессор Г. Гезер, чей двухтомный труд «История повальных болезней» был переведен на русский и издан в С — Петербурге в 1868 году впервые обратил внимание на сифилис и другие болезни, как основу коренного изменения в поведении людей — например на то, что сифилис XVII -XVIII веков стал законодателем мод. Гезер писал, что из-за сифилиса исчезала всяческая растительность на голове и лице. И вот кавалеры, дабы показать дамам, что они вполне безопасны и ничем таким не страдают, стали отращивать длиннющие волосы и усы. Ну, а те, у кого это по каким-либо причинам не получалось, придумали парики, которые при достаточно большом количестве сифилитиков в высших слоях общества быстро вошли в моду и в Европе и в Северной Америке. Сократовские же лысины мудрецов перестали быть в почете до наших дней.

Не только кавалеров коснулась эта проблема, лысины появлялись тогда не только у них, но и у дам. И отнюдь не по причине мудрости последних. Но и эти лысины умело прикрывались париками. От слова парик, сходно звучавшего на всех европейских языках (peruque — франц., peruccia — итал., perücke — нем. и т.д.), родилось и название тех, кто эти парики делал — парикмахеров. Цирюльники ценились, и не только севильские. Эта профессия стала одной из самых высокооплачиваемых в мире. Поэтому разбогатевшие цирюльники наравне с виноторговцами становятся владельцами доходной недвижимости:

«Вплоть до XVIII века меблированные комнаты в Париже (их держали виноторговцы или цирюльники) — грязные, полные вшей и клопов — служили прибежищем публичным женщинам, преступникам, чужеземцам, молодым людям без средств, только что приехавшим из своей провинции...» (Ф. Бродель. Структуры повседневности. Возможное и невозможное. Т.1. — М., 1986. — С. 298.)

Те, кто был не болен, стали отращивать и показывать свои волосы — в эпоху позднего средневековья даже замужние женщины начинают открывать волосы, укладывая их

соответствии с модой того времени.

Дело, вероятно, также не только в отношениях кавалеров и дам, а и в том, что в средневековье к «нечистым» относили страдающих не только проказой, но и многими другими заболеваниями, тем же сифилисом, например. А «нечистого» могли и вообще из города изгнать, даже поставив диагноз по ошибке — столь распространенный сифилис для врачей средневековья играл такую же роль, как ОРЗ для врачей советских. При любых сомнениях ставили диагноз сифилиса, следуя правилу «*In dubio suspisce luet*» («В сомнительных случаях ищите сифилис»). Как тут без парика?

Это сейчас, на вопрос: «Что делают в парикмахерской?», любой ребенок ответит: «Стригут волосы!», удивляясь неосведомленности взрослых. Но тогда, когда сифилис вместе с сопутствующем облысением распространился и в Англии, семантика названия была вполне понятна: ведь не «*haircutter*» — «подстригатель волос» — называли цирюльника, а «*hairdresser*» — «одеватель волос». Так в Англии появились те самые парики, которыми, как славной и древней Традицией, гордятся поныне судьи и лорды.

Широкие же народные массы же о сифилисе знают мало, слышали только краем уха. Тот же историк Иштван Рат-Вег в книге «Истории человеческой глупости» приводит такой пример народной грамотности:

«Другой отец требовал назвать его новорожденную дочь Сифилидой. Перепуганный чиновник старался убедить его, что речь, может быть, идет о Сильфиде? Но тот настаивал на Сифилиде, что, дескать, имя он слышал, что оно ему нравится. Конец спору был положен тем, что ему предъявили закон об именах от 1803 года и просьбу его отклонили, ибо ни в каком календаре такое имя не встречается, а исторических личностей с таким именем не было».

То что не волновало древних греков — боязнь стать лысым — давно существует уже на подсознательном уровне, борьба с облысением и ныне — доходный бизнес. Например, в Юго-Восточной Азии облысение, достаточно редко сейчас встречающееся, считается большой неприятностью и ассоциируется с каким-то заболеванием. Сейчас никто не помнит, с каким именно, просто существует народное мнение: если лысой — то больной. Но тогда, когда в ЮВА появились первые лысые европейцы — колонизаторы, связь была наглядной. Они женились на местных красотках, те умирали со временем вслед за европейцем, в памяти народа это осталось.

Тогда же сифилис добрался и до России «Если одни умирали от сильных ударов, то других наших предков насмерть сражали венерические болезни. Какие следы оставляет на костях сифилис, можно увидеть на выставке» (www.ladativ.ru, 20.03.03) — это о выставке «Антропология» в Краеведческом музее Самарской области.

Те, у кого еще сохранились свои волосы, их, естественно, не моют, а посыпают мукой. Или пудрой. Представьте себе, что должно было делаться в давным-давно немых волосах, если их постоянно посыпать мукой. А прусские косы, смазываемые салом?! Не удивительно, что при описанной выше средневековой гигиене, в громадных прическах средневековых благородных дам нередко обнаруживали мышиные гнезда — дама могла месяцами не мыть голову, пока мода на прическу держалась. Ну а уж блохи на Прекрасных Дамах жили перманентно.

Блохи

Методы борьбы с блохами были пассивными, как например палочки-чесалочки, которые использовали что бы не повредить то сложное сооружение на голове именуемое

париком. Из париков этими палочками блох и вычесывали. Со вшами было бороться сложнее. Французские красавицы и элегантные франты в своих роскошных париках носили сделанные из золота хитроумные приспособления — для ловли тех же блох. В блохоловки (есть и в Эрмитаже), клали кусочек шерсти или меха, политый кровью. Во Франции роль блохоловки играла миниатюрная вилочка с подвижными зубцами-усиками, которую светские модницы носили на шее. Блошинные ловушки не очень надежно защищали своих хозяев от надоедливых паразитов, зато дамы той эпохи придумали способ, как использовать блох в искусстве флирта. Вскрикивая от мнимых и настоящих блошинных укусов, они приглашали тем самым кавалеров к поискам зловредного насекомого. В ту пору самой эротической забавой мужчин считалось поймать блоху на любимой.

Знать с насекомыми борется по своему — во время обедов Людовика XIV в Версале и Лувре присутствует специальный паж для ловли блох короля. Состоятельные дамы чтобы не разводить «зоопарк» носят шелковые нижние рубашки, полагая, что вошь за шелк не уцепится... ибо скользко. Так появилось шелковое нижнее белье, к шелку блохи и вши действительно не прилипают.

Большое распространение приобрел «блошинный мех» — носимый на руке или возле шеи кусочек меха, куда, по мысли средневековых дам, должны были собираться блохи, и откуда их можно потом вытрясти куда-нибудь на землю. Лучший подарок возлюбленным и супругам — чучела пушных зверей для этих же целей. Чучела были инкрустированы драгоценными камнями. На картинах вроде «Дама с горностаем» (только это не горностаи, а белый хорек — фуро) или «Королева Елизавета I с горностаем», как раз и изображены чучела или зверьки, используемые как блошинный мех. Их носили с собой, как позднее дамы носили декоративных собачек. Кроме собачек еще держали ласк, как раз для ловли блох. Начиная с XVI века, куницы, хорьки, горностаи и крохотные собачки служили своим хозяйкам живыми блохоловками, защищавшими их от надоедливых насекомых. У мелкого зверя температура тела выше, чем у человека и он в отличие от дамы ловит блох все время и зубами. Наконец те же собачки, водимые под юбкой...

То, что с приходом христианства европейская цивилизация погрузилась во мрак, хорошо разглядел еще Вольтер (1694 – 1778):

«Вместо прекрасного латинского языка — 20 варварских наречий, вместо культуры и законов — только варварские обычаи. Цирки и амфитеатры, возвышавшиеся во всех провинциях, сменились хижинами, крытыми соломой. Большие дороги, такие красивые и прочные, проведенные от подножия Капитолия до гор Тавра, покрылись стоячими водами. Такой же переворот произошел в умах; Григорий Турский и монах Фредегар из Сен-Галлена — это наши Полибии и Титы Ливии. Человеческий разум огрубел среди самых подлых и бессмысленных суеверий... Вся Европа коснеет в этом унижении до 16 в. и освобождается от него лишь путем ужасных судорог». (Вольтер .«Опыт о нравах....»)

Или, словами итальянского писателя XIX века Адольфо Бартоли: «Как будто разум окутался саваном, чтобы сойти в могилу, где он оставался много веков. Свет мысли погас. Мир со своими радостями, природа со своими красотоми перестали говорить сердцу человека. Высочайшие устремления духа стали признаваться грехом. Небо нависло над землей и душило ее в чудовищных объятиях ».

Средневековая Европа. Штрихи к портрету

Часть II

Клопы

*Приезжий в гостинице: -Что это у вас здесь, на бланке анкеты?
-Клоп, сэр. -Я ничего не имею против того, что у вас в гостинице
клопы. Но когда они вылезают, чтобы подсмотреть, какую вы даёте
комнату — это уже слишком!*

старый анекдот

Клопы — бич средних веков. Самый знаменитый из этих приятных насекомых — постельный клоп (*Cimex lectularius*), населяющий весь север Евразии и Северную Америку. Западная цивилизация настолько привыкла к клопам, что присказку «Спокойной тебе ночи и чтоб клопы не кусали» можно услышать в каждом втором голливудском фильме. Клопы были настолько неотъемлемой и привычной частью жизни, что даже кориандр (известный также под названиями «кинза» и «китайская петрушка»), семена которого используются как специи, в средние века получил свое название от греческого *koríannon* («клоповник»), производного от *korios* — «клоп» — из-за своего специфического запаха.

Средневековая Европа мало что изобрела, но кое-какие оригинальные новшества в изготовлении мебели в это время появились, хотя говорить о мебельном искусстве становится возможно только начиная с века девятого, в муках родившего первый средневековый стиль, по преемственности названный романским. По сравнению с римской мебелью это был шаг назад, и самой универсальной и практичной мебелью средневековья был сундук, который мог одновременно служить и кроватью, и скамьей, и дорожным чемоданом. Но в позднем средневековье у изготовителей мебели появляются новинки, вполне отражающие его (средневековья) дух. Это не только всевозможные стулья, банкетки и троны со встроенными ночными горшками, но и балдахины у кроватей. Кровати, представляющие собой рамы на точеных ножках, окруженные низкой решеткой и — обязательно — с балдахином в средние века приобретают большое значение. Столь широко распространенные балдахины служили вполне утилитарной цели — чтобы клопы и прочие симпатичные насекомые с потолка не сыпались. Помогали балдахины мало, ибо клопы чудно устраивались в складках. Средневековая антисанитария активно содействовала их размножению.

Балдахинами влияние клопов на культуру Европы не ограничилось, и повеление Людовика о применение духов было вызвано, очевидно, не только своей собственной вонью и вонью подданных, но, учитывая Балдахинами влияние клопов на культуру Европы не ограничилось, и повеление Людовика о применение духов было вызвано, очевидно, не только своей собственной вонью и вонью подданных, но, учитывая постоянную бессонницу монарха из-за укусов клопов, имело также и другую цель. Так, с легкой руки Короля-Солнца в Европе появились духи, прямое предназначение которых — не только забивать неприятный запах, но и *отгонять клопов*. В книге «Верные, удобные и дешевые средства, употребляемые во Франции для истребления клопов», вышедшей в Европе в 1829 году, говорится: «У клопов чрезвычайно тонкое обоняние, поэтому, во избежание укусов надо натираться духами. От запаха натертого тела духами бегут на некоторое время клопы, но скоро, побуждаемые голодом, преодолевают они отвращение свое к запахам и

возвращаются сосать тело с большим еще ожесточением нежели прежде» .

Народ пытался использовать и другие средства в борьбе с «вампирами». Иногда применялся известный с давних времен своими чудесными свойствами «персидский порошок» из цветков далматской ромашки, а в музеях при изучении домашней утвари и других важных в то время приспособлений можно увидеть и менее тривиальные вещи — например, устройство для выжигания клопов из кровати. Веку к XVII-му распространяются «клоповарки» — этакая штуковина с длинным и тонким носиком по типу самовара. Внутрь насыпался уголь, заливалась вода, и из носика струя пара — смерть клопам! Народ в отличие от христианских мучеников клопов все же не любил, а утописту Фурье даже грезилось в будущем не только океаны из лимонада, но желал он увидеть в этом призрачном утопическом будущем также и свою несбыточную мечту — «антиклопов».

В отличие от вшей, считающихся «жемчужинами Божиими», наличие клопов не всегда приветствовалось и монахами. Например, всех поражало отсутствие столь привычных клопов у картезианцев:

Ко всеобщему удивлению в монастыре не водилось клопов, хотя некоторые обстоятельства должны были бы способствовать их появлению: монашеский образ жизни (отсутствие нательного белья), манера спать одетыми, деревянные постройки, редко сменяемые постели и соломенные тюфяки. Правда, клопы водились у братьев-конверзов (как, впрочем, и у остальных людей в Средние века). По этому поводу возникали споры. Некоторые усматривали здесь особую милость Небес, оказанную этому наиболее строгому из монашеских орденов. Другие считали отсутствие клопов результатом того, что здесь не ели мяса.² (Лео Мулен. Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы (X-XV вв.)

Хотя в этом случае отсутствие клопов трактуется, как «милость Небес», но, конечно, не все монахи относились к клопам отрицательно. Их, например, прикармливал собой св. Симеон. Нет, не тот Симеон, который оставил горы фекалий в келье Трира, и не тот Симен Златогорец, который сидел на горе. Этот Симеон «воздвиг славу Господу», просидев на столпе (колонне) — преподобный Симеон Столпник. «Подвиг Симеона совершенно исключителен, необычен. Столпничества еще не знала тогда богатая формами христианская аскеза. По-видимому, Симеон был его изобретателем [прим.: это утверждает и Евагрий. Церк. Ист. 12. I. B]». (<http://la-france-orthodoxe.net/ru/sviat/?p=genevieve2>). Такой вот истинно христианский «подвиг». Эх, «Гвозди бы делать из этих людей», как говаривал Маяковский. «Отныне вся его долгая жизнь — 37 лет — втеснилась в пространство каких-нибудь четырех квадратных метров. Он даже на столпе приковывал ноги, чтобы стеснить себя до конца. Единственное движение, которое позволял себе подвижник, кажется, имеет одно измерение: высоту» (ibid).

Приковывать себя цепью св. Симеону было не в первой, еще раньше он то замуровывал себя в келье в Теланиссу (Тель-Нешн), то там же жил на горе, приковав себя к ней цепью. Но о клопах св. Симеон не забывал никогда: «Когда снимали цепь, под кожаным подкандалником нашли 20 огромных клопов, которых добровольный мученик кормил своей кровью». (ibid)

² («Другие считали отсутствие клопов результатом того, что здесь не ели мяса»). Эта фраза может быть понята неправильно: что-то вроде «клопы не кусают вегетарианцев», но дело не в этом, а в принятом Церковью взгляде (а любой взгляд или теория, принятая Церковью, всегда становилась догмой) на процесс «самозарождения» клопов, вшей, блох и т.д.

Вши

В средние века вши — «Божьи жемчужины» — почитались и считались признаком святости отнюдь не за свою древнюю историю (недавно палеонтологи обнаружили вошь, которая жила в оперении птиц еще 44 миллиона лет назад). Дело, вероятно, в том, что «причащающиеся кровью» насекомые как бы становились освященными — ведь они питались христианской кровью. Средневековое богословие вообще уделяло много внимание подобным вопросам (например, перепадает ли на мышей, отведавших причастие, Божья Благодать). Пока богословы спорили, вши успешно завоевывали себе жизненное пространство в переставшей мыться Европе. Известно, что даже одна французская принцесса, имя которой история не сохранила, умерла именно от вшей. Можно вспомнить и короля арагонского Фердинанда II, прозванного Католиком, супруга наследницы кастильской короны Изабеллы. Этот благочестивый монарх умер такой же ужасной смертью: вши заели его заживо.

Кормить собой вшей, как и клопов, считалось «христианским подвигом». Последователи святого Фомы, даже наименее посвященные, готовы были превозносить его грязь и вшей, которых он носил на себе. Искать вшей друг на друге (точно, как обезьяны — этологические корни налицо) — значило высказывать свое расположение. «В Монтайю почти не бреются, умываются лишь слегка, не купаются и не принимают ванн. Зато много ищутся, давить друг друга вшей было знаком доброй дружбы» (Монтайю. Окситанская деревня (1294 — 1324) / книга написана на основе допросов еретиков-катаров).

Искание вшей укрепляет или намечает семейные узы и нежные связи, оно предполагает отношения родства и даже близости, хотя бы и незаконной. Любовница ищет у любовника, равно как и у его матери. Будущая теща ищет у нареченного зятя. Дочь избавляет от вшей мать. Сегодня трудно вообразить, сколь эмоциональную роль играла в человеческих отношениях эта, утраченная нами, паразитическая фауна. Отметим одно: искание было всеобщим, абсолютно неизбежным и женским занятием. (Монтайю. Окситанская деревня)

В светской жизни вши тоже занимали не последнее место. Дамы носили с собой украшенные бриллиантами безделушки для того, чтобы почесывать головы, в которых кишели вши. «Итальянский поэт XVII века Джанбаттиста Маммани воспевал в стихах вшей, в избытке угнездившихся в светлых кудрях его любимой, причем это была не шутка, а искренний гимн женской красоте» (Юрий Бирс).

Средневековые вши даже активно участвовали в политике — в городе Гурденбурге (Швеция) обыкновенная вошь (*Pediculus*) была активным участником выборов мэра города. Претендентами на высокий пост могли быть в то время только люди с окладистыми бородами. Выборы происходили следующим образом. Кандидаты в мэры садились вокруг стола и выкладывали на него свои бороды. Затем специально назначенный человек вбрасывал на середину стола вошь. Избранным мэром считался тот, в чью бороду заползало насекомое.

комментарий Циника: Недавно рассуждали мы с другом и пришли к интересному выводу, почему у франков, в отличие от других германцев, было в обычае брить усы и бороду. Дело в том, что они, в отличие от готов, приняли христианство в ортодоксальной форме. Следовательно, мыться перестали, а в усах и бороде у них появились вши. Если же вошь упадет в суп к католику, это же нарушение поста — ведь вошь — это МЯСО!

«Божьи жемчужины», конечно, нравились не всем. Брезгливого Эразма Роттердамского в конце XV раздражали не только английские дома, в которых стоял «запах, какой, по моему мнению, никак не может быть полезен для здоровья». Парижские вши вызывали у него не меньше отвращения, чем плохая еда, зловонные общественные уборные и невыносимые споры схоластов. При дворе Людовика XIV принято было на карточный стол ставить специальное блюдечко. К карточной игре оно никакого отношения не имело — на нем давили вшей.

Поскольку от вшей все равно было не избавиться, то их присутствие скрывалось цветом одежды — так в Европе появилась устойчивая мода на бежевый цвет, чтобы ползавшие по аристократам насекомые не так бросались в глаза. К тому времени портные уже были вынуждены изобрести также ткань цвета русе (пьюс, красновато-коричневый цвет; дословно с французского: «блошиного цвета»). Возможно также, что мода на парики в эпоху Ренессанса была спровоцирована не только одним сифилисом, но и тем, что просвещенная Европа была вынуждена бриться наголо, лишь бы избавиться от надоедливых насекомых. Вши в Европе стали исчезать только после изобретения мыла.

Медицина

Как развивалась медицина в средневековой Европе? Я уже цитировал выше, что «еще в XIV и XV веках лучшие специалисты рекомендовали такой способ борьбы с болезнью, как подвешивание за ноги, чтобы яд вышел из ушей, носа, рта и глаз» (А.Л. Ястребицкая). Но может это отдельные казусы, а в остальном все было не так уж плохо? Ознакомление с другими источниками приводит к неутешительному выводу — нет, все так и было. Европейская средневековая медицина знала лишь несколько универсальных «лекарств» — клизмы, рвотное, кровопускание, прижигание, хлорид ртути и, конечно, молитва. Весь этот набор «лекарственных средств», как не трудно догадаться, больше вредил излечению больных, чем помогал. Все источники только подтверждают упадочное состояние средневековой христианской медицины в сравнении с арабской.

Христианская медицина

В средние века основными хранителями античной медицинской традиции и наиболее искусными врачами были арабы, среди христиан медицинская профессия пришла сначала в полный упадок. (Медицина и медицинское образование. М Арапов. Журнал Курьера образования «Энергия»)

Вот один из удивительных примеров врачевания у франков.

Властитель аль-Мунайтыры написал письмо моему дяде, прося прислать врача, чтобы вылечить нескольких больных его товарищей. Дядя прислал к нему врача- христианина, которого звали Сабит. Не прошло и двадцати дней, как он вернулся обратно.

«Как ты скоро вылечил больных», — сказали мы ему. «Они привели ко мне рыцаря, — рассказывал нам врач, — на ноге у которого образовался нарыв, и женщину, больную сухоткой. Я положил рыцарю маленькую припарку, и его нарыв вскрылся и стал заживать, а женщину я велел разогреть и увлажнить ее состав. К этим больным пришел франкский врач и сказал: „Этот мусульманин ничего не понимает в лечении. Что тебе приятнее, — спросил он рыцаря, — жить с одной ногой или умереть с обеими?“ — „Я хочу жить с одной ногой“, — отвечал рыцарь.

„Приведите мне сильного рыцаря, — сказал врач, и принесите острый топор“. Рыцарь явился с топором, и я присутствовал при этом. Врач положил ногу больного на бревно и сказал рыцарю: „Ударь по его ноге топором и отруби ее одним ударом“. Рыцарь нанес удар на моих глазах, но не отрубил ноги; тогда ударил ее второй раз, мозг из костей ноги вытек, и больной тотчас же умер. Тогда врач взглянул на женщину и сказал: „В голове этой женщины дьявол, который влюбился в нее. Обрейте ей голову“. Женщину обрили, и она снова стала есть обычную пищу франков — чеснок и горчицу. Ее сухотка усилилась, и врач говорил: „Дьявол вошел ей в голову“. Он схватил бритву, надрезал ей кожу на голове крестом и сорвал ее с середины головы настолько, что стали видны черепные кости. Затем он натер ей голову солью, и она тут же умерла. Я спросил их: „Нужен ли я вам еще?“ И они сказали: „Нет“, и тогда я ушел, узнав об их врачевании кое-что такое, чего не знал раньше,...“ (*Усаму ибн Мункыз. „Книга назиданий“*)

Можно ли доверять такому описанию Усаму ибн Мункыза? Ведь он участник войн с крестоносцами, и франков, понятное дело, терпеть не мог — видел в них «только животных, обладающих достоинством доблести в сражениях и ничем больше, так же как и животные обладают доблестью и храбростью при нападении....» (ibid). Но судя по тому, что мы знаем о средневековых хирургах, описание Мункыза вполне адекватно. Стоит вспомнить, что вскрытия были запрещены вплоть до XVI века. Анатомия рассматривалась только через призму религии — например, Адриан Спигелий (1578-1625) утверждал, что задница нужна человеку исключительно потому, что является природной подушкой, «сидя на которой, человек может праведно и усердно предаваться размышлениям о божественном».

Даже если хирург научился резать быстро — а к этому они и стремились, памятуя Гиппократ: «Причиняющее боль должно быть в них наиболее короткое время, а это будет, когда сечение выполняется скоро» — то из-за отсутствия обезболивания даже виртуозная техника хирурга выручала лишь в редких случаях. В Древнем Египте попытки обезболивания делались уже в V-III тысячелетиях до н.э. Анестезия в Древней Греции и Риме, в Древнем Китае и Индии осуществлялась с использованием настоек мандрагоры, белладонны, опиума и т.п., в XV-XIII веках до н.э. для этой цели был впервые применен алкоголь. Но в Европе обо всем этом позабыли (несмотря на то, что та же мандрагора, например, упоминалась в Библии). В средние века существовали только такие курьезные методы обезболивания, как «метод общего обезболивания путем удара тяжелым предметом по голове», когда в результате сотрясения мозга больной впадал в бессознательное состояние, оставаясь безучастным к манипуляциям хирурга, кровопускание, пережим сонной артерии, и охлаждение (до сих пор существует термин „заморозка“, хотя сейчас под этим отнюдь не имеется ввиду охлаждение тканей как таковое). Позже возникла не менее затейливая идея ректального наркоза — табачные клизмы.

Обезболивающий эффект подобных средств был ничтожным, и больным оставалось лишь уповать на мастерство хирургов, старавшихся выполнять сложные операции с очень большой скоростью. Обычно не помогало — пациенты умирали от болевого шока (остальные — чуть позже от сепсиса). Схема заболел-умер в те годы была скорее нормой, чем исключением. «Нож хирурга и боль неотделимы друг от друга! Сделать операции безболезненными — это мечта, которая не осуществится никогда!» — утверждал в конце XVII (!) века известный французский хирург А. Вельно. Только в середине XIX века впервые был применен эфир; 16 октября 1846 года — дата начала современной анестезиологии. Тем не менее суеверные в средние века люди толпами валили к хирургам, чтобы, например, вырезать без всякого наркоза „шишки глупости“. Это жировики на голове. Считалось: вырежут — поуменьшешь. Иероним Босх запечатлел это действо на картине „Удаление камня глупости“.

«Медицинские методы оказания помощи в то время были примитивными и, нередко, жестокими. Особенно в хирургии. Например, для того, чтобы ампутировать конечность, в качестве «обезболивающего средства» использовался тяжелый деревянный молоток, «киянка», удар которого по голове приводил к потере сознания больного, с другими непредсказуемыми последствиями. Раны прижигали каленым железом, или поливали крутым кипятком или кипящей смолой». (Академик Константин Уманский. *ОСТОРОЖНО — МЕДИЦИНА!* «West East Weekly» 2004)

Европейское население на протяжении второго тысячелетия косили эпидемии эрготизма, оспы, чумы, туберкулеза, тифа, сифилиса и проказы. Знаменитый Нострадамус успешно боролся с чумой элементарным соблюдением правил гигиены — купался каждый день. Но сильно верующий христианин не мог себе такого позволить, ибо мыться — грех.

Еще в XI веке папа Климент III издал указ, в силу которого было запрещено по воскресеньям купаться и даже мыть лицо. Но *de facto* к XI веку в христианской Европе и так уже мало кто мылся. Позже кроме религиозных причин возникнут и вполне объективные — в Западной Европе кончатся леса (на приготовление пищи дров уже не хватало — только на костры Святой Инквизиции), наступит похолодание (так называемый «малый ледниковый период», в Париже даже колокола от холода трескались) и мыться в холодной воде станет практически невозможно: ведь далеко не все — «моржи». Люди настолько отвыкли от водных процедур, что доктору Ф. Е. Бильцу в популярном учебнике медицины конца XIX(!) века приходилось уговаривать народ мыться. «Есть люди, которые, по правде говоря, не отваживаются купаться в реке или в ванне, ибо с самого детства никогда не входили в воду. Боязнь эта безосновательна, — писал Бильц в книге «Новое природное лечение», — После пятой или шестой ванны к этому можно привыкнуть...». Доктору мало кто верил...

С эпидемиями в средневековье боролись по разному. Прокаженных, например, множество которых появились в Европе уже после первого крестового похода, в города просто не пускали, ибо самого прокаженного считали проклятым. У городских ворот были поставлены специальные привратники для задержания больных проказой. В сельских же местностях прокаженных обязывали предупреждать о своем появлении звуками трещотки, рога или колокольчика. Всех, кто казался соседям «нечистым», просто изгоняли из города. Заболевший считался обреченным. При появлении первых признаков проказы человека отпевали в церкви, как если бы он был уже мертв, после чего ему давали особую одежду и уже упомянутые трещотку или колокольчик, дабы предупреждал здоровых людей о своем приближении. Те, кому «повезло», попадали под присмотр очередного христианского ордена им. св. Лазаря, давшего имя лазаретам. Орден организовывал лепрозории для больных проказой, откуда те не могли выходить под угрозой смертной казни. Только Центральной Европе к 1250 г. этих лепрозориев насчитывалось уже 19000. Все ужасно боялись людей, «гниющих заживо».

Во Франции прокаженных обязали жить в специальных домах — лепрозориях. На основании указа 503 года на протяжении всего периода средневековья составлялись «правила» поведения прокаженного и его родственников. Вот одно из них. «Как только болезнь обнаруживалась, человека отводили в религиозный трибунал, который... осуждал его на смерть». Что это означало? Несчастного отводили в церковь, где все было приготовлено для похорон. Больного клали в гроб, служили заупокойную службу, относили на кладбище, опускали в могилу и сбрасывали на него несколько лопат земли со ловами: «Ты не живой, ты мертвый для всех нас». После этого больного вытаскивали из могилы и отвозили в лепрозорий. Навсегда. Больше он никогда не возвращался домой, в семью. Для всех он был мертв. (РМЖ, Том 9 № 23, 2001 К.м.н. Л. Е. Горелова. *Лепру лечили смертью*)

Здесь в самый раз задаться вопросом: насколько верной была диагностика заболеваний? Как безграмотные монахи и врачи могли поставить диагноз верно? Обычно диагностика сводилась к чему-то вроде поисков «проказы на одежде и на бороде» — точно как объяснено в Библии. Поэтому, если хронисты пишут об эпидемии чумы, надо еще выяснять, какая именно болезнь имеется ввиду — «огненная чума» (отравление спорыньей) или чума непосредственно. Симптомы слишком похожи.

Церковь и население лучше врачей «понимало» причины эпидемий. Если эпидемия — то значит за грехи. В дальнейшую диагностику церковники не углублялись, и боролись с «происками дьявола» единственным логичным для них способом — в средневековой Европе во время эпидемий постоянно звонили колокола, помогая людям справиться с болезнью. Иногда кроме «деяний дьявола» находили и менее метафизические объяснения. Так эпидемия «черной смерти» — чумы — произошла, как считалось, от того, что евреи отравили колодцы. Богомерзких жидов пожгли, конечно, но на распространении болезни это никак не сказалось — видимо в деле отравления христиан им помогал сам Дьявол.

О существовании смертоносных бактерий (возбудитель чумы, например, был открыт только в самом конце XIX века французским врачом Александром Йерсеном в Гонконге) и о необходимости гигиены никто еще не подозревал. «Зачем ученики Твои преступают предание старцев? Ибо не умывают рук своих» — спросили как-то фарисеи Христа (Мат 15:2). «Есть неумытыми руками — не оскверняет человека», — отвечал Спаситель (Мат 15:20). Послушные христиане руки мыть перестали. И не только перед едой:

А вот еще один «забавный» и, согласитесь, позорный эпизод из недавней истории медицинского «искусства»: Игнатс Семмельвейс, венгерский гинеколог, в 1848 году был лишен права практиковать за то, что он начал публично настаивать на мытье рук во время принятия родов. Высмеянный коллегами-докторами, осужденный и лишенный лицензии, Семмельвейс сошел с ума и умер относительно молодым, в то время как десятки тысяч рожениц и новорожденных продолжали умирать от инфекций, внесенных врачами и повитухами. (**доктор Константин Монастырский**)

В основании средневековой медицины лежали четыре типа человеческой природы: черная желчь, желтая желчь, флегма и кровь. Их «баланс» означал хорошее здоровье пациента. А достигался этот «баланс типов человеческой природы» диетами, клизмами и кровопусканием. Врачи, даже куда в более позднее время, стремясь объяснить причины болезней из какого-либо принципа, оказывались в плену еще более фантастических представлений.

Так Франциск Сильвий (1614-1672) посчитал причиной всех болезней образование в организме неких избыточных «едкостей» кислотной или щелочной природы, и, в соответствии с принципом «противоположное лечи противоположным» при одном типе болезней назначал щелочи, при другом — кислоты. А немецкой врач Ф. Гоффманн (1660-1742) объяснял всякое заболевание закупоркой каналов, по которым под влиянием исходящего из желудочков мозга нервного флюида происходит движение крови и пищеварительных соков. Дж. Броун (1735-1788) полагая как основную сущность жизни возбудимость нервной системы, определял болезнь как состояние повышенной или пониженной возбудимости и даже создал для ее измерения особый барометр.

Широко распространяются в средневековье лекарства из трупов и размолотых костей:

Гарманн приводит также рецепт «божественной воды», названной так за свои

чудесные свойства: берется целиком труп человека, отличавшегося при жизни добрым здоровьем, но умершего насильственной смертью; мясо, кости и внутренности разрезаются на мелкие кусочки; все смешивается и с помощью перегонки превращается в жидкость. (*Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: «Прогресс» — «Прогресс-Академия», 1992*)

Арьес отмечает, что такое лечение не всем было по карману: «Лекарства из трупов были чаще всего предназначены для больных, занимавших самое высокое положение в обществе, ведь эти целебные средства были дорогостоящими, и приготовить их было делом трудным» (*ibid*). Трусами и экстрактами из человеческих черепов (любимое лекарство Карла II) дело не ограничивалось:

Но не только сам труп или его отдельные части использовались тогдашними врачами. Считалось, скажем, что одежда умершего или хотя бы один лоскут от нее помогают против головной боли или геморроев. Такое представление было распространено в XVII — XVIII вв., например, во Фландрии и Брабанте. Даже земля с могил, особенно с могил повешенных, обладала, по мнению современников, большой терапевтической силой. (Филипп Арьес. *Человек перед лицом смерти*)

Врачам после открытия Гарвеем кровообращения не терпелось что-нибудь в эту кровь «впрыснуть». При том, что лекарств практически никаких не было, остается только догадываться, что же именно. В энциклопедиях и прочих «историях медицины» рассказывается только о самих шприцах, каучуковый вариант которых предложил чешский ученый-хирург Правац в XIX веке. До того шприцы были примитивные, сделанные из свиных пузырей, в них были вделаны деревянные или медные носики. Немецкие врачи называли это чудо *хирургической клизмой*. Впрочем, тайны в том, что пытались переливать всеми видами шприцев, никакой нет — речь идет о трансфузии, переливании крови, замене традиционных кровопусканий.

Кроме клизм и ртути основным универсальным методом, которым лечили всех подряд, являлось кровопускание. Что конкретно этим лечили — никто не понимал, но считалось, что убрать «дурную» кровь и освободить организм от токсинов или «мрачных настроений», как их называли врачи — панацея от всех болезней. Болезни считались насланными дьяволом и подлежали изгнанию — «зло должно выйти наружу». У истоков кровавого поверья стояли монахи — «отворители крови». Кровь пускали всем — для лечения, как средство борьбы с половым влечением, и вообще без повода — по календарю. «Монахи чувствовали себя знатоками в искусстве врачевания и с полным правом давали рекомендации» (*Лео Мулен. Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы (X-XV вв)*). Основная проблема была в самой порочной логике такого лечения — если улучшение у больного не наступало, то вывод делался только один — крови выпустили слишком мало. И выпускали еще и еще, пока больной от потери крови не умирал. Кровопускание, как излюбленный метод лечения всех болезней, унесло, вероятно, жизней не менее, чем чума. Впрочем, кровопускания — отдельная большая тема. Но кровопусканиями «традиционные ошибки» медицины не ограничивались.

Помимо случайных ошибок врачей — когда назначается не тот препарат, когда делается ненужная операция, существуют «традиционные ошибки» — когда на протяжении десятилетий врачи используют неэффективные методы. Так, хирурги перестали прижигать огнестрельные раны только после того, как у одного из них закончилось горячее масло, и он понял нецелесообразность такой процедуры. Без каких либо доказательств эффективности медики тысячелетиями лечили почти все болезни кровопусканием... (Медновости)

Вот теперь уже вполне можно наглядно представить себе стандартную хирургическую операцию средневековья. Повезло тому, у кого всего лишь геморрой (термин был введен Гиппократом и означает «истечение крови»). В средние века его лечили прижиганием раскаленным железом. Это значит — получи огненный штырь в задницу — и свободен. Здоров. А вот если, допустим, у больного на ноге образовался нарыв, то дело уже куда как серьезней. И схема лечения на этот случай вполне отработана. Сначала — анестезия. То есть врач со всех сил дубасит больного деревянной киянкой по голове. Если врач опытен, то больному повезло — он вырубается с первого удара. Затем доктор берет грязный меч (вариант — просит о такой услуге любого проходящего мимо рыцаря) и отрубает пациенту ногу (хирургических пил еще нет — пилить слишком долго). После чего хирург заливает культю горячим маслом (вариант — прижигает железом, заливает кипятком или погружает культю в чан с кипящей смолой; Амбруаз Парэ научится перевязывать артерии только в XV веке и будет за это назван «отцом хирургии», а турникет появится еще пару веков спустя). Если у врача имеется ассистент-ученик, то он может в это время для облегчения состояния пациента сделать ему «ректальный наркоз» при помощи табачной клизмы (нововведение века так с XVI, а в 1661 году датский врач Томас Бартолин будет рекомендовать клизмы не только из табачного сока, но и из табачного дыма).

«Мой дорогой брат Эразм показал мне этот метод. Дым из двух трубок (наполненных табаком) вдвигается в кишки. Пригодный для этого инструмент придумал изобретательный англичанин». (*Thomas Bartholin, Historiarum anatomicarum et medicarum rariorum Copenhagen. 1661*)

(Позже метод «творчески переосмыслится», и французский врач XVIII века Буко будет отстаивать применение «внутривагинального вдвигания табачного дыма для лечения истерии»).

Теперь, когда из задницы пациента клубится сизый дымок, самое время сделать кровопускание, чтобы больной избавился от «дурной крови» и «дьявольских настроений». Врач ланцетом (простым, пружинным, скарификатором) наносит пациенту многочисленные раны (если медик придерживается теории деривации, то режет ту же ногу, то есть то, что от нее осталось, если ревильсии — то режет руку). Если вдруг, по чистому везению, незадачливый пациент все же не умирает и даже приходит себя, то после необходимых дополнительных кровопусканий (а с XVII века хирург еще мог попробовать перелить больному овечью кровь при помощи «хирургических клизм» из бычьих пузырей) врач назначает ему «лекарства», что бы уж «вылечить» наверняка. Например, препараты ртути и сурьмы (рвотный камень) или мышьяк из свинцовой кастрюли:

В лечении стали использовать разного рода яды, в первую очередь растительные, препараты, приготовленные с использованием тяжелых металлов и т.д. Часто, если больной мог бы выжить самостоятельно, его губили надуманные «лекарства». Кстати, не лучшим образом сказывалось на здоровье и применение

тогда, рекомендованной медиками, популярной и дорогой свинцовой кухонной утвари (кастрюли, сковородки, ложки). (Академик Константин Уманский. *ОСТОРОЖНО — МЕДИЦИНА!* «West East Weekly» 2004)

Если больной и после этого (неисповедимы пути твои, Господи!) подает признаки жизни, то можно его подвесить за ноги (прошу прощения — за одну оставшуюся), обсыпать землей с могилы и ждать, пока «яд болезни» выльется из ушей³...

Знаменитый Парацельс в средние века приобрел известность не только изобретением шести «эликсиров молодости» (неодин из которых не помог ему самому), но и своим лечением сифилиса ртутными препаратами, чем, как можно предположить, вполне мог попутно вызвать серьезные психозы, спровоцированные отравлением ртутью. Тогда этого никто не замечал, так как почти все население и так находилось в перманентном психозе от отравления спорыньей. Связь ртути и психоза проявилась только во времена «Сумасшедших Шляпников», хотя открыта была намного позже:

История психиатрии и невропатологии знает много случаев заболеваний мозга, вызванных разного рода токсинами. Сумасшедший Шляпник был не просто плодом воображения Льюиса Кэрролла, а введенной в повествование жертвой профессионального заболевания, распространенного в XVIII и XIX веках. Шляпники, подвергаясь ежедневно действию ртути, применяемой при изготовлении войлока, нередко страдали токсическим психозом. (С. Куми «Заболевания человеческого мозга» *SCIENTIFIC AMERICAN* September 1979)

Замечательный эффект препаратов из ртути позже испытал на себе вождь русской революции Владимир Ульянов-Ленин. Подозревая «сифилис мозга» его «лечили» в 1923

³ Сравним медицину христианского средневековья, например, с индийской, IV века до новой эры:

«Любопытно, что уже древнеиндийские врачи разработали такие приемы, например, в области пластической хирургии, которые используются и по сей день. Вот как описывает великий древнеиндийский врач-энциклопедист Суштра (IV в. до н. э.) операцию пластики носа: „Перед операцией хирург должен нарисовать на листе размер недостающей части носа. Этот рисунок он должен вырезать и приложить к щеке рядом с носом. Потом надо вырезать кусочек кожи щеки в соответствии с приложенным рисунком, но не перерезать соединения с кожей щеки. Этот кусочек теперь надо перевернуть и пришить к решеткам носа, в соответствии с формой части, которой не хватает. В ноздри следует также ввести две палочки касторового дерева, или лотоса, или трубчатой травы. С их помощью хирург может поднять приложенную кожу так высоко, как это требуется. Приложенный кусок следует пришить к решеткам носа и потом присыпать рановым порошком. Сверху накладывается повязка, которую надо почаще опрыскивать холодным сезамовым маслом... Если выяснится, что пересаженная кожа хорошо прижилась, следует перерезать связь ее со щекой“. ... Суштра описал 127 режущих (ножи, пилы, ножницы и др.), трубчатых (зонды, катетеры и др.), клещеобразных (щипцы, пинцеты и др.), а также когтеобразных и пальповидных (для извлечения стрел из ушей или носа), крючковатых хирургических инструментов: большинство из них было изготовлено из стали. Были у них на вооружении и шприцы для орошения ран, зеркала, трепаны и проч». (материалы А. Ваганова. *Ex Libris* НГ. 24.01.2002 http://www.naukaran.ru/sb/2002_2/16.shtml по книге доктора медицинских наук, профессора, руководителя сектора истории медицины и здравоохранения Института им. Семашко РАМН, члена Международного общества истории медицины Марка Мирского «Хирургия от древности до современности: Очерки истории» (М.: Наука, 2001)

году все теми же средневековыми средствами — препаратами мышьяка, ртути и висмута, в результате чего Ленин получил тяжелые отравления мозга, печени и почек и благополучно умер.

«Смерть — друг человека»

При наличии столь продвинутой медицины, описанной выше, неудивительно, что смерть в средневековье воспринималась отнюдь не трансцендентно, как сейчас. Зато трансцендентным, буквально вытесненным из границ реального мира, для людей средневековья оказался страх перед смертью. «Среди многих страхов, заставлявших их дрожать, страх смерти был самым слабым» (Жак ле Гофф). Европа настолько привыкла к постоянному присутствию смерти вокруг, что люди просто перестали ее бояться — она была их вечной спутницей, от которой никуда не убежать. Она все равно настигнет тебя, и скорее всего раньше, чем позже. Тема «Пляски Смерти» (*La Danse Macabre*), развившаяся в покаянной литературе под влиянием проповеди францисканского и доминиканского монашества, стала существенной частью культуры. Этот постоянный сюжет лубочных картинок и гравюр получил в средние века очень широкое распространение. На гравюрах в разных вариантах изображалась Смерть, уводящая за собой в танце представителей разных слоев общества — короля, священника, крестьянина. Эту «Пляску Смерти» в разные времена изображали Альбрехт Дюрер, Ганс Гольбейн-младший и другие художники Северного Возрождения. «Пляска Смерти» появляется на церковных фресках Франции и Германии, проникает в иллюстрации книг. Обычно она представляет собой иконографический сюжет, танец скелетов с новопредставленными, сопровождаемый стихотворным комментарием.

«В галереях Пляска Смерти представала в ее образах и позах. Никакое другое место не было лучше приспособлено для обезьянней фигуры ухмыляющейся Смерти, волочащей за собой папу и императора, монаха и шута. ... Столетием позже эту выставку погребальных символов завершила огромная статуя Смерти, находящаяся сегодня в Лувре, — единственная вещь, сохранившаяся из этого собрания» (*Йохан Хейзинга. Осень средневековья*).

О «Плясках Смерти» написано множество литературы, которую при всей разнице подхода объединяет одно — все авторы совершенно не понимают, откуда же она взялась. В «Пляске» они видят только «аллегория универсальности смерти» и погрязают в многоплановом символизме и религиозных мистериях. Загадки, тем не менее, здесь никакой нет, если вспомнить, что первоначально, в XIV веке, на изображениях танцевал не скелет, а труп, мертвец, мертвое тело с втянутым вспоротым животом. Очевидно, мы имеем дело с творческой переработкой жестокой реальности — эпидемий конвульсивного эрготизма. Отделившись от своего реального прототипа, психоделических плясок св. Витта, «Пляска Смерти» зажила своей собственной жизнью. В Каталонии в середине XIV в. на кладбище возле церкви «Пляску Смерти» танцуют в сопровождении латинской песни «Мы умрем» уже не только отравленные спорыньей люди, но и простые верующие. Тень мистической Смерти повисла над Европой. «Ни одна эпоха не навязывает человеку мысль о смерти с такой настойчивостью, как XV столетие! Жизнь проходит на фоне непрекращающегося призыва: *memento mori*» — писал выдающийся нидерландский историк и культуролог Йохан Хейзинга (*Johan Huizinga, 1872 — 1945*).

«Человек Средневековья, отвергнувший все земное, давно уже задерживал свой духовный взор на мрачной картине копошащихся червей и жалкого праха. В религиозных трактатах о презрении к миру богословы уже возглашали неотвратимость ледящих ужасов разложения». Йохан Хейзинга. Осень средневековья)

Барбара Тучман в ее тщательно проработанной книге «Зеркало в отдалении» так описывает культ смерти, существовавший в Европе в XV веке:

«Художники в омерзительных деталях описывали физическое гниение: черви, прокладывающие себе путь через каждый труп, раздутые жабы на закрытых глазницах. Насмешливая, манящая, ликующая Смерть возглавляет парад Танца Смерти среди бесконечных, украшенных фресками стен. Изнасилование девственниц воспроизводится с ошеломляющей реалистичностью; в других подобных реалистичных постановках тело Христа было жестоко разрублено стражниками, или ребенок зажарен и съеден его матерью». (*Barbara Tuchman, «A Distant Mirror»*)

«Мы знаем, что потрясало народ: это возникающие перед ним снова и снова устрашающие картины адских мучений; это гремевшие раскатами грома угрозы неотвратимого наказания за грехи» — писал профессор Хейзинга. Нарочитое пренебрежение к смерти и презрение к земной жизни проявилось в таком явлении, как мода на человеческие черепа. Историк Рат-Вег поражался такому обычаю, широко распространенном в Европе еще в 18-ом веке:

Трудно представить, что человеческий череп когда-то был предметом моды. Ненормальная мода родилась в Париже в 1751 году. Знатные дамы устанавливали череп на туалетный столик, украшали его разноцветными лентами, устанавливали в него горящую свечу и временами погружались в благоговейное созерцание. Даже у королевы был череп; по мнению многих, он принадлежал когда-то Нинон де Ланкло. Королева обращалась к черепу так: «*Ma belle mignone*». (*Иштван Рат-Вег*)

Но удивляться тут особенно нечему — у такого отношения к человеческим останкам глубокие корни. Когда-то Христос учил: «Снаружи гроб кажется красивым, а внутри он полон костей мертвых и всякой нечистоты» (Мф. 23:27). Но христиане об его словах тут же забыли и уже тысячелетие насаждали культ поклонения мощам. Как известно, первые христиане жили в катакомбах в окружении трупов. С благоговением рассказывает об этом времени Епископ Александр (Милеант):

Язычники для сохранения праха умерших строили великолепные гробницы по сторонам больших дорог, на открытом поле; христиане, напротив, скрывали тела, зарывая их просто *или ставя рядом в пещерах*, как то известно о пещерах Рима. Это подземелья, выкопанные христианами в каменистом месте для того, чтобы там иметь кладбище. ... Некоторые из подземных кладбищ столь велики, что имеют 2-3 этажа в высоту. Здесь-то христиане во времена гонений находили

безопасное прибежище, чтобы хранить останки мучеников, чтобы собирать и отправлять обряды богослужения. Сии древние кладбища по причине заваленных к ним входов долгое время оставались неизвестными, и уже в конце XVI века удалось их открыть. (*Из журнала «Христианское чтение» за 1825г.*)

Для языческой культуры это было неприемлемым явлением. Евнапий из ард в IV веке описывал осквернение христианами языческого храма Сераписа: «они привели в это священное место так называемых монахов, которые имеют хотя человеческий образ, но собирают кости и черепа людей, уличенных в преступлениях и казненных по приговору суда, выдают их за богов и повергаются ниц перед ними». Этим культом мертвых тел, а также культом евхаристии, Церковь добилась того, что народ в Европе еще в 17-ом веке свято верил, что истертые в порошок черепа и костяшки пальцев очень полезны для здоровья.

Кости скелета рассматривались и как средство профилактики. Хорошим делом считалось носить их на шее или зашивать в одежду — не как символическое напоминание о неизбежной смерти, а как профилактический амулет. Так, солдаты на войне носили на себе косточки пальцев убитых. Из обожженных костей счастливых супругов или страстных любовников приготавливали возбуждающий любовный напиток. (Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: «Прогресс» — «Прогресс- Академия», 1992)

Ну а как украшение, человеческие кости использовались по всей Европе, а отнюдь не только в Париже. Это, собственно, может увидеть любой путешествующий по Европе турист. Можно заглянуть в широко известную костницу в Чехии и полюбоваться, как симпатично выглядит распятый Иисус-Солнце, выложенный из костей.

Еще в этом костеле можно умилиться трогательному соседству черепов и ангелочков.

Забавно также заехать в Австрию, в деревушку Hallstatt и посетить подвалы церкви Михаэльскапелле. Там можно проникнуться зрелищем любовно сложенных рядами тысяч черепов, раскрашенных под пасхальные яйца. (Хинт: можно в Австрию специально не ездить. Эту церковь в России даже по телевизору как-то показывали).

В Испании и Португалии есть целые «города мертвых» — мумий, выставленных на всеобщее обозрение. В Италии, в подземелье Капуцинского монастыря (1621 г.) находится известное во всем мире кладбище «Катакомбы Капуцинов», представляющее довольно жуткую картину. Там находятся около восьми тысяч мумий и забальзамированных трупов представителей палермского высшего света, включая детей и служителей церкви. Такое же мрачное кладбище капуцинов находится в подвалах церкви Кьеза дей Капуцини на Виа Венето в Риме. Склеп капуцинов есть и в Вене — городе, прославившемся на всю Европу своим вниманием к смерти и похоронам.

Интересно сопоставить с этими реальными кладбищами более ранние картины Витторе Карпаччо, конца XV в. В музее в Далеме (Берлин) мы видим распростертое мертвое тело Христа на фоне кладбища или даже свалки, где валяются и останки животных. Но кости не разбросаны, как камни, а образуют скелеты людей и животных, показывающиеся из земли и похожие даже на мумии.

(Филипп Арьес. Человек перед лицом смерти)

Средневековое отношение к смерти предстает нам гораздо более прозаическим и будничным, чем современное вытеснение ее из массового сознания. Тогда это не только никого не шокировало, но и не могло восприниматься иначе. Если встречаешься со смертью каждый миг и понимаешь, что не сможешь избежать ее скорых объятий, то срабатывает подсознательная защита — воспринимать ее как лучшего друга, который спасет тебя от ужасов этой жизни (и в то же время нарочито презирать). Церковь с одобрением относилась к Пляске Смерти, подчеркивая, что в разыгрываемых тогда пьесках «Смерть предстает не как разрушительная сила, а как посланница Бога, созывающая людей в потусторонний мир, что сходно концепции как Библии, так и древних поэтов. ... Целью этих пьес было научить людей правде о том, что все они умрут, и таким образом подготовить их к Судному Дню» (**Католическая энциклопедия**).

Такие духовные писатели XVII в., как Боссюэ, говорили, что хотели бы раскрыть могилы, дабы напомнить живым о неизбежности смерти, но не осмеливаются это сделать, ибо никто не вынесет подобного ужасного зрелища. И однако, совсем рядом, тела умерших уже вынимали из могил и выставляли напоказ, правда, в приемлемой форме скелетов или мумий, сохранявших еще некоторое подобие жизни. *(Филипп Арьес. Человек перед лицом смерти)*

Перед этой столь близкой смертью все равны, страха она уже не вызывает — лишь напоминание о бренности всего земного, о равенстве всех перед ее ликом. Смерть объединит всех. Доктор Хейзинга так описывал кладбище Невинных в Париже: «Черепы и кости были навалены в гробах, которые стояли вдоль окружавших место с трех сторон галерей и были открыты для обозрения тысячам людей, преподавая всем урок равенства».

То же отношение к смерти проявилось в таком распространенном явлении, как использование человеческой кожи для переплета книг, что происходило уже отнюдь не в глубоком средневековье. Сейчас об этом многие позабыли, и выражение «переплет из человеческой кожи» скорее вызовет ассоциации только с пропагандистскими байками вроде «абажуров из кожи в Бухенвальде» и «мыла из евреев». Но если на пресловутые абажуры посмотреть нигде не получится ввиду их отсутствия, то прототипы этого «навета» вполне реальны. Книг, переплетенных в человеческую кожу, в библиотеках достаточно. Книги или пергамент, обернутые в человеческую кожу, появились в средневековье, когда стало широко практиковаться дублирование человеческой кожи (и сохранение других частей тела). Эти книги до нас не дошли, хотя есть некоторые исторические сообщения касательно Библии XIII-ого века и текста Decretals (Католическое церковное право), написанных на человеческой коже. Уцелевшим же экземплярам книг, которые присутствуют сегодня в библиотеках и музеях, менее 400 лет. Первоначально это были труды по медицине — в XVII-XIX столетиях медики часто заказывали для своих библиотек книги в переплетах из кожи людей, завещавших свои останки науке. Такова, например, найденная в библиотеке Джона Хейя книга коричневого цвета — классическая работа Везалия по анатомии «De Humanis Corporis Fabrica». Если первые достоверные примеры антроподермических обложек известны с XVII-ого столетия, то в дальнейшем такая практика резко возрастает во время французской Революции. Кожа жертв этого кровожадного террора нередко использовалась его сторонниками для переплета книг (в 2003 г. такие книги, иллюстрирующие зверства якобинцев, демонстрировались в

музее Нанта во Франции); среди других переплетенных в человеческую кожу документов того периода — копия Прав Человека и нескольких копий французской Конституции 1793 г.

В XIX-ом столетии своеобразная романтика книжных переплетов из человеческой кожи овладела представлениями высшего сословия, и антроподермические переплеты стали делом почти обычным. Появились своеобразные «эстеты», оформлявшие книги переплетом из человеческой кожи просто для красоты. В этом случае кожу снимали, как правило, с умерших бездомных, подкупая администрацию ночлежек или полицейских. Именно такого рода экземпляр «Пляски смерти» хранится в университете Провиденса. Этот сборник гравюр, изданный в Бостоне в 1892 году, год спустя был отдан владельцем в переплет известному мастеру Йозефу Заенсдорфу. История не сохранила имени этого библиофила, который в качестве неопременного условия оговорил, что переплет должен быть из человеческой кожи, однако в распоряжении историков оказалась записка самого Заенсдорфа, сообщавшего заказчику, что на переплет ушла кожа не одного, а двух человек. Мастер оправдывался тем, что у умерших в ночлежках бродяг кожа «как правило, очень низкого качества». В связи с этим Йозеф Заенсдорф изготовил обложку для книги «из наружного слоя кожи светлого оттенка», а переплет — «из более темной кожи, обработанной под замшу».

Частым предметом таких переплетов были также учебники анатомии, которые доктора и студенты медицины переплетали кожей тех трупов, которые они анатомировали. Иногда использовалась для книжных переплетов кожа казненных преступников. Первым известным примером такого подхода было переплетение словаря Сэмюэля Джонсона в кожу преступника Джеймса Джонсона после того, как последний повесился в Норидже в 1818 г. В музее св. Эдмунда в Суффолке, Англия, представлен более известный пример — протокол процесса над легендарным убийцей Уильямом Кордером (Мария Мартин, 1827 г, «Убийство в расном Сарае»), переплетенный в его же кожу после исполнения приговора. Собственноручные признания другого преступника, Джорджа Уолтона (под псевдонимом Джеймса Аллена), также переплетены в его собственную кожу (хранятся в Boston Athenaeum). Уолтон сам настоял на таком завещании перед виселицей.

Среди других известных примеров подобных книг можно отметить копию Корана в Общественной Библиотеке Кливленда, переплетенную в кожу особо набожного благоверного согласно его завещанию, книгу с переводом Жака Делиля («Георгики», вторая поэма знаменитого Вергилия), переплетенную кожей, тайно украденной с его трупа в морге, и иронично переплетенную в человеческую кожу копию книги «О кожных болезнях».

Белеет парус одинокий...

Великий инквизитор Испании Томас де Торквемада (1420-1498), широко прославившийся своей священной борьбой с еретиками, стал своеобразным «лицом Инквизиции», наряду с Крамером и Шпренгером. Торквемада с истинно христианским человеколюбием сжег на кострах 10 220 человек. Гораздо меньше известно другое — сколько человеческого материала «врагов народа» было использовано более рационально. Сжигание заживо эмоционально заслоняет от нас куда большее количество «общественно полезных» приговоров образовавшейся в Испании «экономической инквизиции». Например, тем же Торквемадой к ссылке на галеры было приговорено 97 371 человек. Именно на галерах должны были эти еретики искупать свою вину перед Господом.

Томас Торквемада был духовником инфанты Изабеллы Кастильской (той самой, которая гордилась тем, что мылась два раза в жизни, что духовник, несомненно, одобрял как

истинное христианское благочестие). Будущий инквизитор принял большое участие в семейной жизни Изабеллы. В 1469 году, тайно от брата Энрике, занимавшего тогда Кастильский престол, Изабелла в сопровождении Торквемады отправилась в Вальядолид, где ее обвенчали с Фердинандом, наследником Арагона. Так «друг семьи» Торквемада, как главный виновник этой унии, объединяющей два самых больших королевства Испании, получил в свои руки власть. Через двенадцать лет папа Сикст IV объявляет Томаса Торквемаду великим инквизитором Арагона и Кастилии.

В том же 1481 году Великий Инквизитор Торквемада собирает в Севилье генеральную хунту инквизиторов, где разрабатываются ее, инквизиции, законы. Вопросы финансирования решаются просто, на основе самоокупаемости — жалование инквизиторов выплачивается из кассы трибунала, которая в свою очередь пополняется за счет конфискаций имущества еретиков. Правительству за «крышу» производится «откат» в размере трети этих поступлений. Вот так все просто. Тем временем король Фердинанд придумывает, куда обобранных еретиков девать — ведь всех жечь не рационально, только дрова тратить. Так новый глоток жизни получают испанские галеры — любимое детище короля Фердинанда. Учрежденные как экономическое наказание, галеры быстро стали использовать дешевый ресурс рабочей силы каторжников в условиях, когда классический рабский труд уже не применялся. Фердинанд был осторожен — недаром Макиавелли в своей книге «Государь» объявил его образцом всех государей, желающих увеличить свою власть. Поэтому он не опасался силы Инквизиции, ибо уже заблаговременно создал свою альтернативу — полицейское ополчение, подчиненное исключительно королю, основанное на братстве «Святая Эрмандада» (исп. Santa Hermandad). А раз сила есть, то со временем Фердинанд стал накладывать лапу на две трети дохода Инквизиции. Святые Отцы и сам Папа скрежетали зубами, но поделаться ничего не могли. Для сохранения дохода у них оставался только один метод — им приходилось ловить все больше «еретиков». Королю же множество таких важных государственных дел не оставляло времени на гигиену (да и жена бы умывание не одобрила), и в результате он умер от педикулеза.

В отношении «истинных» врагов Церкви (то есть, например, тех кто отказывался признать свою вину или посмел не «заложить» свою семью, родственников и друзей) Инквизиция была непримирима — только костер. У остальных еретиков всегда был выбор: быстрая смерть в огне (тогда еще быстрая — сожжение на сырых дровах христиане придумают позже) или галеры. Ссылка на галеры фактически являлась той же смертной казнью, только отложенной — большинство приговоренных к пожизненной каторге не доживало даже до окончания второго года заключения. Но тем не менее это — не немедленная смерть, и еретики «чистосердечно каялись», доносили на всех своих родственников, увеличивая таким образом количество свежих «еретиков» для галер, и отправлялись на каторгу (само слово «каторга», кстати — это наименование галер на Черном и Каспийском морях).

Галеры очень прожорливы к людским ресурсам, «еретиков» не хватает. Солдаты инквизиции начинают проводить облавы в трактирчиках и кабаках (Торквемада сказал, что вино — это уловка дьявола), инквизиция хватается всех актеров и обвиняет их в любых мыслимых и немыслимых ересях (ремесло актера Торквемада объявил бесовским) и т.д. Зрелищ типа театральных спектаклей испанцы таким образом лишаются, в трактиры заглядывают лишь самые отчаянные и безбашенные, простому народу остается лишь одно развлечение — присутствовать на многочисленных сожжениях еретиков — Акте Веры (Auto de fe) и молится.

Будущий «Отец народов», изобретатель Архипелага Гулаг, ничего нового в такой экономической схеме не придумал — он лишь вдумчиво читал историю Инквизиции во время своей учебы в семинарии.

Этот бешенный разгул Инквизиции даже приводит к заговорам против нее. Ибо беспредел. Арагонцы дошли до того, что решились на крайнюю меру — избивание инквизиторов. Но убийство инквизитора Педро Арбуэса в Сарагосе было только

использовано инквизицией себе на пользу: сарагосские тюрьмы оказались переполнены узниками, большинство которых было просто оговорено. Главным виновникам и участникам заговора отрубили руки, затем повесили, после чего их трупы проволокли по улицам, а затем, расчленив на части, разложили по площадям. Остальные, как обычно, были отправлены на галеры.

К тому времени при строительстве галер возникла следующая проблема — чтобы увеличить скорость, надо больше гребцов (этот вопрос Инквизиция как раз легко решала), но судно большего размера становится неповоротливым. То есть каторжников надо вместить больше, но размеры увеличить минимально. Стали строить галеры в два и три весельных яруса. Там уже и не прикованному со скамейки тяжело выбраться, а воздуха настолько мало, что гребцы высовывают голову в весельный порт, чтобы жадно схватить глоток освежающего ветра (но это, конечно, если кто у борта — тем еще «повезло», а если шестой на весле...). Как бы там ни было, но на смену галерам приходят парусники. Считается, что конец эры галер наступил в конце XIV века (после боя 1590 года у Гибралтарского пролива) из-за явных преимуществ появившихся кораблей с парусным вооружением и артиллерией на борту. Хотя последние галеры принадлежали Франции и были выведены из состава флота только в 1748 году.

Но это, видимо, не единственная причина. У галер была своя специфическая проблема, ограничивающая их использование — запах. Хотя вряд ли в какой прилизанной и романтической «истории флота» это можно прочесть. Поэтому предлагаю просто поразмыслить: как вы думаете, где испражнялись гребцы?

Скованных одной цепью по несколько сот человек, их гнали на галеры Средиземного моря, где в ужасающих условиях, абсолютно нагие, *прикованные к скамьям*, они трудились на веслах пожизненно, не имея за собой никакой вины. Каждая галера нуждалась в 300-400 гребцах, а этих судов были тысячи на Средиземном море, в том числе и арабских, на которых мучились рабы-христиане. (Иван Ефремов. *Час Быка*)

Это достаточно обычное и общепринятое описание. Действительно, на галерах находились несколько сотен гребцов, несколько десятков моряков-абордажников и несколько надсмотрщиков с плетками. Если кто-то будет рассказывать, что сотни одичавших гребцов (против только десятков солдат), единственная перспектива которых — скорая смерть, были не прикованы, или что вежливые надсмотрщики во время похода «отковывали» их по очереди и провожали на палубу «для облегчения»... «Не верю!» © Станиславский.

Собственно, это подтверждается наличием на флотах специальной должности «сборщика испражнений» — профоса (переделанного потом в русском языке в «прохвоста»).

«ПРОФОС м. лат. переделано в прохвост, военный парашник, убирающий в лагере все нечистоты» (Толковый словарь Даля).

Таким образом в «испанской каторжной схеме» использования боевых галер присутствовала серьезная проблема, сильно понижающая тактико-технические характеристики судна — с подветренной стороны к противнику незаметно подобраться невозможно. Вонь выдаст и глубокой ночью. Надо было выжидать, пока ветер сменится.

Должность профоса сохранялась и в России. В Морском Уставе Русского Флота 1720 года, являвшимся основополагающим документом, регламентирующем все стороны флотской жизни на протяжении XVIII века мы можем прочитать (Книга 3, глава 21, артикулы 1-3), что на корабле любого ранга имелся один профос, основной обязанностью которого было следить за тем, чтобы нигде не было мусора, нечистот, чтобы все люди оправлялись только в специально отведенных местах (гальюнах), а при обнаружении испражнений немедленно их убирать. Особо он должен был обращать внимание на то, чтобы веревки и канаты не подвергались бы воздействию нечистот. Второй обязанностью профоса было исполнение обязанностей палача (это значение пришло из голландского *profoost* — палач). Но схема использования галер в России существенно отличалась.

Здесь, кстати, показательно, как «стандартное представление» о галерах обыграл Петр, выигрывая сражения у шведов. В России каторжники гребли только на «ластовых» галерах, портовых, буксировочных. А на боевых галерах гребли сами солдаты. И на расслабленного противника, полагающего, что он будет иметь сражение с тремя десятками абордажников, вдруг вываливалось три сотни озверевших от гребли солдат с тесаками и кремниевыми фузеями.

Но как бы там ни было, а время галер подходило к концу, их заменяли парусники, проблемы с сортирами на которых были не столь глобальны. На парусных кораблях всех времен и народов сортир обычно располагался на носу. Носовое украшение, неизменно присутствующее на старых красавцах-парусниках, называлось красиво — «ростр» (это и дало название «Ростральным колоннам»), но еще чаще называлось просто: «гальюн». Непосредственно сам «гальюн» представлял собой классическое «очко» — круглое отверстие в настиле на самом носу корабля, сбоку от бушприта, около носовой фигуры. На некоторых кораблях и того не было, была просто площадка для этой цели. Поскольку парусник в плавании по определению повернут кормой к ветру, то запах от туалета на носу, к тому же омываемого волнами, на корабль обычно не попадал. Правда, пользоваться таким открытым туалетом матросам приходилось в любую погоду. В шторм и качку успеть добежать до гальюна — проблема. И эта проблема усугублялась другой — все той же средневековой диареей; зная качество средневековой пищи, можно предположить, что до «очка» матросы часто не добежали, отсюда и растут корни маниакальной одержимости «драить палубу» на флотах.

Смертность среди европейских моряков в средние века была громадной (впрочем, точно как и на берегу). Гибли целые команды кораблей. Из 265 спутников Магеллана вернулось домой только 65 человек, и дело здесь не в стычках с туземцами, во время которых погиб сам Магеллан, а в том, что это было, как пишут энциклопедии, «очень трудное плавание, когда люди питались сухарной пылью, смешанной с червями, пили гнилую воду, ели воловьей кожи, древесные опилки и корабельных крыс». Те же эпидемии, то же плохое питание, что и на «большой земле». Ранее, в 1498 году, Васко да Гама также еле смог закончить свое историческое плавание в Индию, потеряв сто матросов из ста шестидесяти человек команды. Заметим — матросы погибли на пути туда, в Индию, в 1495 году; на обратном пути люди не гибли — провизия была индийской, а не европейской. Причиной была цинга, или «морской скорбут», что означает: «рот в язвах», болезнь, которую матросы называли «пагубой моряков». У заболевших распухали и кровоточили десны, расшатывались и выпадали зубы, опухали и болели суставы, тело покрывалось темными

пятнами. Впрочем, для европейцев эта болезнь была не в диковинку и знакомы с ней были отнюдь не только моряки — только на промежуток времени с 1556 по 1857 приходится 114 известных больших эпидемий. До XX века никто не знал, что такое авитаминоз и нехватка витамина «С» (от чего цинга и возникает), но как предупредить цингу со временем найдено было эмпирически — как только корабль приставал к земле, где было вдоволь свежих овощей и плодов, на которые с жадностью набрасывались матросы, так цинга и отступала. Морепоплаватель Джеймс Кук (1728-79), уже знавший об этом, брал с собой в путешествия запасы морковного и лимонного соков и кислую капусту — так утверждают медицинские статьи о витаминах. (Если вы спросите меня, как Куку удавалось сохранить упомянутые соки в отсутствии «тетрапэков» и не миф ли это — я не знаю. Но я знаю, что Руал Амундсен во время своего первого плавания на шхуне «Йоа» спасал команду от цинги свежей кровью моржей и белых медведей, содержащей витамин «С»). А вот насчет капусты — правда. Кук брал с собой десятки бочек квашенной капусты и записал в дневнике: «Кислая капуста изгоняет болезни из тела. Это средство, спасающее жизнь моим морякам». Хотя это открытием не было. Еще пару тысяч лет до того, отправляющиеся в поход войска римлян непременно брали с собой квашеную капусту, которую хранили в бочках. Просто христианская цивилизация сожгла все античные книги (или делала из них свистульки⁴) и об этом позабыла. Причина смерти моряков Магеллана и Васко да Гама — не столько цинга, сколь христианская религиозная нетерпимость, из-за которой цивилизация оказалась отброшенной на полторы тысячи лет.

Чем же питались моряки в плавании? Главный вопрос, который надо было решать — как сохранить пищу в длительном походе. Обычно на кораблях имелись только сухари, галеты да солонина в бочках. То есть то, что можно было хранить. Галеты, кстати — это на самом деле те же сухари, твердые как кирпич и обессоленные, чтобы уравнивать избыток соли в солонине. Есть, правда, история с живыми консервами — на Сейшелах моряки набирали больших черепах. Они были неприхотливы, копошились себе в трюме. Так их и подъели почти. Но все же первые «консервы» были заимствованы европейцами у северо-американских индейцев в XVI веке, и назывались индейским словом «пеммикан». Это была походная пища индейцев — затвердевшая паста из высушенного на солнце и истолченного в порошок бизоньего или оленьего мяса, ягод, кленовой патоки или жира. Европейцы технологию упростили и просто мешали говядину с жиром (только в XX веке установят, что длительная пеммикановая диета вредно сказывается на органах пищеварения и обмене веществ).

Попытки научиться консервировать пищу тем временем не прекращались. Самоотверженные исследователи даже гибли на этом поприще науки. Так в XVII веке английский философ и лорд-канцлер Англии Фрэнсис Бэкон умер от воспаления легких, простудившись, когда набивал снегом куриную тушку, изучая действие холода как средства для консервирования мяса.

Сознавая необходимость добиться долговременной сохранности пищи, Наполеон в 1795 году учредил премию в 12000 франков тому, кто научится консервировать. Только в

⁴ Христианское отношение к античному наследию со времен сожжения Александрийской библиотеки не изменилось, что так поразило Боккаччо в XIV веке:

«В монастыре Монте-Казино, самом знаменитом и ученом во всей тогдашней Европе, Боккаччо нашел библиотеку запущенной до такой степени, что книги на полках были покрыты слоями пыли, у одних рукописей были выдраны листы, другие были изрезаны и исковерканы, а, например, чудные рукописи Гомера и Платона были исчерчены надписями и богословской полемикой. Там он узнал, между прочим, что *братья делают из этих рукописей свистульки детям и талисманы бабам*». (Брокгауз Ф.А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь)

Оставшиеся библиотеки (в Ватикане или у короля Испании Филиппа II, конфискованная у «еретиков») были практически не доступны.

1809 г. премия досталась французскому кондитеру по имени Никола Франсуа Аппер, который изобрел консервы в жестяных банках и издал книгу «Искусство консервирования растительных и животных субстанций на долготелний период». Консервы стали производить все, кому не лень, причем на всех флотах, включая коммерческий, их сразу стали называть «дохлый француз». В 1844 году в Галаце в одной из банок и вовсе нашли человеческий палец.

В современных словарях пишется, что галеты делаются из пшеничной муки. Кажется более чем сомнительным, что галеты всегда делались из пшеницы — если знать о постоянном голоде в Европе. Ржаной муки не хватало, не то что пшеничной. Да и в холоде «малого ледникового периода» теплолюбивая пшеница выживала минимально. И эти сомнения оправданны. Дело в том, что теперь галеты, применяемые в экспедициях, действительно делают из пшеничной муки, а о более старых галетах мы можем узнать из «Объяснительного морского словаря» известного русского капитана дальнего плавания В. В. Бахтина, изданного в Санкт-Петербурге в 1874 году: «Галета — сухарь из *ржаной* или пшеничной муки, употреблявшийся на кораблях военного парусного флота при отсутствии хлеба». Можно также раскопать указ 1894 г., которым предписывалось в норвежском флоте «в целях улучшения питания личного состава, вместо *ржаных сухарей* выдавать белый хлеб». А еще раньше в Европе о пшенице никто и не вспоминал. Так что основной пищей в море по прежнему оставался черный хлеб. Как и на суше, он был едой практически сакральной:

Пожалуй, больше всего обычаев связано с хлебом у моряков. В доме каждого из них в течение года обязательно висел хлебец в виде кораблика. Пока он цел, ничто не грозит судну, на котором бороздит воды хозяин дома или его дети. В великий четверг на страстной неделе вся семья собиралась у кораблика, с пением церковных гимнов спускала его и предавала огню. А на «рейд» вставал новый корабль. Английские моряки придавали большое значение тому, как разрезать буханку. Считалось, что, если перевернуть ее верхней коркой вниз, тут же где-то в море обязательно перевернется судно. А если буханка раскрошится в руках, значит, не миновать неприятностей... (О. Ставбунская)

Что касается крошащейся буханки, то грядущие «неприятности» вполне объяснимы: «Нередко зерно ржи невозможно одним веянием отделить от спорыньи. Мука со спорыньей бывает синеватая, темная, „дурно“ пахнет. Тесто из нее также расплывается, а хлеб *разваливается*» . (Миров Л. В. *Великорусский пахарь «В мужицком брюхе и болото сгниет»*). Ржаная мука на кораблях была та же, что и на берегу. Отсюда и видения всевозможных «морских дьяволов», «морских змеев» и прочих чудо-юдов. Под галлюциногенным действием спорыньи и обычные «огни Святого Эльма» на мачте корабля могли вселять дикий суеверный ужас. Хоть за борт прыгай. Скорее всего и прыгали — неспроста развелось столько «Летучих Голландцев».

Кстати, среди версий о гибели «Марии Селесты» в 1872 г., одного из самых известных мистических «покинутых кораблей», отравление спорыньей всплывало довольно часто. А уж до того времени, зная о качестве средневекового хлеба, такое объяснение просто напрашивается.

Средневековая Европа. Штрихи к портрету

Часть III

В первой части этого опуса я не стал описывать Испанию, ограничившись ссылкой на то, что Мадрид «называли самой мрачной и грязной европейской столицей», за что получил упреки в необоснованности такого взгляда — ведь ссылка была на какой-то туристский сайт. Хорошо, исправляюсь:-) Тем более, что есть определенные различия в испанском подходе к общим тогда проблемам.

Испания

В Мадриде уснувшим, под тёмным окном Колумб дамам песни дарил. Но в полночь глухую помоев ведром «Всевышний» его наградил. И, в рыбьих костях, потряся бородой Уплыл он в Америку смело Решив — первым делом — душевный покой А бабы — последнее дело. Иваныч, 2002

Мадрид был маленьким городишком, где, как и по всей Европе, ночные горшки привычно выливались прямо на улицу. Но хотя Мадрид по части выливания помоев, которые текли по мостовой, вызывая зловоние и заразу, ничем не отличался от Лондона и Парижа, все же интересно отметить разницу в регулировании этого обычая. Если в Париже выпускали указы о предупреждении зазевавшихся прохожих, в Лондоне ставили сторожей, то в Мадриде издавна были отведен специальный час, когда *королевским указом появляться на улицах было запрещено, поскольку в данный час на городские улицы выливали помои.*

Позже у испанцев с выливанием нечистот возникли известные проблемы — в XVI веке на окна в Мадриде стали ставить решетки. Избавляться от дерьма при решетке на окне не слишком удобно, если живешь не на первом этаже. Ведь спускаться часто, чтобы выплеснуть горшок через дверь всем было, понятно, лень. Неужели власти озаботились чистотой и таким образом боролись с выливальщиками? Нет, конечно — выливать то, кроме как на улицу, все равно было некуда. Горшки просто стали выносить немного реже, улицы от этого чище не стали, а в домах аромата еще прибавилось. В чем же был смысл? Этот загадочный вопрос о решетках даже часто входит в викторины «Что? Где? Когда?». Вот в таком виде:

Вопрос: При Филиппе II на окна в Мадриде стали ставить решетки. Этот обычай пришел от арабов — таким способом они отучали испанцев... Что делать?

Правильный ответ: Входить в дом через окно — так было принято в Европе, и окна первого этажа были низкими.

(<http://db.chgk.info/cgi-bin/db.cgi?tour=ukbr01sh.2>)

Почему именно арабы стали прививать испанцам «приличные манеры», и почему именно испанцам, коль вообще «входить через окно было принято в Европе» — об этом «знатоков» никто не спрашивает. Самим же знатокам обычно сперва приходит в голову другой ответ: «лазать к женщинам» (<http://www.glaschat.ru/game-www-log/game-www-16-stat.htm>).

Ну да, Испания, серенады... Впрочем, если ты замечаешь, что на тебя сейчас выльют помои те соседи этажом выше, которые почему-то от твоих полуночных серенад никак не в восторге, то, чтобы избежать такой неприятности на узкой улице, действительно лучше прервать песнопения и заскочить в окошко побыстрее. Заодно и повод для оправдания перед

Дамой за невежливый визит. Не даст же Дама так опозориться незадачливому Кавалеру.

Но мы все же можем предположить, что «знатоки», как обычно, ошибаются и мифические арабы здесь не при чем, поскольку трудности с выливанием нечистот испанцам были созданы указом короля Филиппа II (исп. Felipe II, 1527-1598). А этот монарх, как известно, любил две вещи — свою библиотеку и решетки. Королевская библиотека, или как называл ее тогдашний папа Римский — «собрание запрещенных наук», была предметом особой гордости монарха. Король Филипп, как и его предшественники, ревностно искореняли всяческую ересь (в переводе с церковного — грабил подданных). Но, конфискуя имущество еретиков, книги не сжигал, а собирал у себя во дворце, где один из монахов заведовал библиотекой. Одних только арабских и еврейских рукописей (собранных после массовых казней морисков, мавров, марранов) насчитывалось более пяти тысяч томов (там, кстати, и была обнаружена книга сирийского эмира Усамы, процитированная выше). Ну а на решетках король был просто помешан.

Кумиром короля был св. Лаврентий⁵ — раннехристианский мученик, по христианской легенде сожженный римлянами на решетке-жаровне. Жестокий фанатик, царствование которого было золотым веком для инквизиции, Филипп II решил построить монастырь, который одновременно служил бы и королевским дворцом (король хотел жить в окружении монахов, а не придворных). Так возник Эскориал — огромное сооружение, построенное и разделенное в виде гигантской решетки. Как пишут историки, «в строгой геометрии плана отчетливо заметно „решетчатое“ начало — дань уважения страданиям св. Лаврентия на раскаленной решетке и одновременно репрезентация „идеальной“ структуры государства Филиппа II, защитника веры и союзника Церкви». Монастырь-дворец Эскориал был построен так, чтобы набожный католический король, один из самых жутких мучителей в истории человечества, имел возможность видеть главный алтарь церкви прямо со своего

⁵ Св. Лаврентий

Вот стандартное христианское описание мученика:

Мученик III века, архидиакон св. епископа римского Сикста II. Лаврентий заведовал всеми сокровищами церкви, её казной, был хранителем Святого Писания и богослужебных книг. Встретил свою смерть на третий день после мученической смерти самого папы. По традиции считается, что папа, будучи заточенным в темницу префектом Рима, просил решившего умереть вместе с ним Лаврентия последовать за ним лишь через три дня. Это время Лаврентий использовал на раздачу церковного имущества нищим. Когда римский префект потребовал выдать ему сокровища Церкви Лаврентий собрал вокруг себя огромную толпу нищих и больных. Указывая на них префекту, он сказал, что они и есть истинные сокровища Церкви, которые не умаляются, но только прибывают. За это он был брошен на гридирион (решетка для пытки огнем). Мучение и смерть он принял хладнокровно, а его слова, обращенные к префекту и палачам, стали крылатыми: «Вот, окаянные, вы уже испекли одну сторону тела моего, поворотите его на другую и ешьте испеченное»... «Я уже поджарился с одного бока, теперь переверни меня на другой!» (Лаврентий, Св.)

И после этого кто-то будет отрицать перманентное присутствие у ранних христиан мыслей о Священном Канибализме? Интересно также узнать, что «истинные сокровища Церкви» — это «толпы нищих и больных». (Хотя в данном случае они уже и не нищие должны были бы быть, ведь св. казначей Лаврентий им церковный «общак» уже раздал. Ну да не будем придираться).

Мощи св. Архидиакона Лаврентия хранятся на Афоне в Русском монастыре св. великомученика и целителя Пантелеимона. (<http://www.athos.ru/panteleimona.asp>). Ну и как повелось, еще в паре десятков мест. А вот угли, на которых поджаривался Лаврентий, расплодились в средние века в геометрической прогрессии, обогнав количеством даже пресловутое «молоко Богородицы». Еще Боккаччо в 1353 году прикалывался над такой «святыней», сравнивая эти угли с «пером ангела Гавриила»:

Дал он мне и от угольев, на которых изжарен был блаженный мученик св. Лаврентий. ... я ношу перо ангела Гавриила в ларце, дабы оно не испортилось, а уголья, на которых изжарен был св. Лаврентий, в другом, но они так похожи друг на друга, что часто я один принимаю за другой ... Сказав это, с пением похвалы св. Лаврентию, он открыл ларец и показал угли. После того как глупая толпа некоторое время рассматривала их с удивлением, все среди великой давки стали подходить к брату Чиполла, принося лучшее подаяние, чем обыкновенно, и каждый просил его коснуться его теми углями. (Джованни Боккаччо Декамерон, 10)

Впрочем, непрестанно размножающимися христианскими святынями никого уже не удивишь...

ложа. Королевские покои, примыкающие к восточному приделу церкви, как бы «выпирают» из основной части ансамбля, размер у них меньше, чем у основного прямоугольника, поэтому их называют «рукоятью» решетки Святого Лаврентия. Увековечив таким образом память «гриль-мученика», фанатично религиозный король решил, что этого недостаточно для памяти Святого, и дополнительно повелел закрыть решетками окна всего Мадрида.

«Обрешетить» весь Мадрид король не успел, умерев в своем инвалидном кресле, а его наследники решетками не прониклись и даже отказались жить в королевских покоях Филиппа, не горя желанием всегда и непременно видеть перед собою главный алтарь и вечно помнить о поджаренном св. Лаврентии. Решетки в Мадриде ставить перестали (и куда только тотчас же подевались пресловутые культурные арабы?), а облегченно вздохнувшие горожане продолжили привычно выливать на улицу нечистоты.

Выливание помоев стало для горожан делом таким традиционным, что попытка весьма уважаемого в Испании короля Карла III (в XVIII веке!) запретить это любимое народное развлечение привела даже к волнениям и демонстрациям:

Как часто бывает, законодательные нововведения и *попытки изменить устоявшиеся обычаи (в том числе привычку выливать помои на улицу)* вызвали волну недовольства, кульминацией которой стала серия демонстраций протеста в Мадриде и ряде других провинций. (Проект Эспаньола)

Тем не менее только этому королю удалось отменить целый ряд привилегий, которыми пользовались духовенство и высший свет, существенно ограничить влияние церкви и даже изгнать из страны иезуитов, построить дороги, замостить и осветить фонарями улицы городов, издать законы против нищенства и бродяжничества, начать проводить водопроводы и т. д. Шел самый конец XVIII века...

Еще немного Парижа

Разумеется, в Париже стояла самая большая вонь, ибо Париж был самым большим городом Франции...
Патрик Зюскинд «Парфюмер»

Также, несмотря на столь полно данное описание Парижа, у некоторых возникли сомнения в адекватности описания. Например теми, кто все же в какой-то степени усомнился в описанной глобальной парижской грязи, было замечено, что я ничего не написал об уборках улиц: «ведь не может такого быть, чтобы в Париже совсем не было дворников!»

Отвечаю — да были, конечно. И даже глобальные чистки города устраивались, и медали по этим поводам чеканились. *Оба раза:-)* Хотя Вебер утверждает, что профессия мусорщика появилась только в XVIII веке, уборки проводились и до того. Вот что по поводу стандартных уборок улиц пишет французский историк Эмиль Мань:

«Перед зданиями появляются лакеи и горничные. Вооружившись метлами, они сбрасывают в канавы-ручьи (протекающие где с двух сторон, где только посередине улицы) скопившиеся на тротуарах-берегах отбросы и объедки, облив их перед тем несколькими ведрами воды. Вдали звонит колокольчик. А вот и мусорщики с их тачками. В качестве кортежа при них выступают „подбиральщики“ — черные, как дьяволы: при помощи лопат и метел они „снимают пенки“, то есть собирают с поверхности накопившейся грязи все, что могут. *После их ухода*

обнажается нижний, неискоренимый слой. И зловоние усиливается, потому что грязь разворошили . Тем не менее туалет улиц считается законченным».
(Эмиль Мань *Повседневная жизнь в эпоху Людовика XIII*)

Так что бороться с грязью — что с дворниками, что без — было бесполезно. А куда же вывозили дворники то дерьмо, которое им все же худо-бедно удалось собрать? На это нам ответит Юджин Вебер: «С 1781 года Монфокон, расположенный на северо-востоке Парижа был единственной городской свалкой. Прежде там стояли виселицы, и трупы преступников разлагались вместе с дохлым зверьем среди вздымавшихся все выше гор мусора. С навозной вонью мешалась вонь гниющих туш, которые привозили со скотобоев». Просуществовала она долго:

«К 1840 году здесь образовался громадный пятиметровый пласт из жирных белых червей, питавшихся неиссякающими потоками крови. Червей продавали рыбакам, а процесс естественного гниения превратил Монфокон в огромный смердящий пруд. Большая часть этого месива просачивалась в землю, отсюда — в колодцы северной части Парижа, ветер же разносил зловоние по всему городу».
(Eugene Veber, «From Ordure to Order» *The New Republic*, July 1, 1991)

Вот описание парижанки Frederique Krupa, автора исследований по очистке города:

«Начиная с древних времен, основное правило для относительно парижского мусора было одно — „tout-a-la-rue“ (все на улицу), включая домашние отбросы, мочу, фекалии и даже выкидыши. То, что покрупнее, часто бросались на „ничейную землю“ за городские стены или в Сену. ... Съедобное дерьмо потреблялось свиньями и дикими собаками, а остальное — микроорганизмами. Запах гниения был ужасен, но не только из него складывались парижские ароматы». (Paris: Urban Sanitation before the 20th century by Frederique Krupa <http://www.translucency.com/frede/parisproject/>)

Все это «средневековье» закончилось не так давно. Очередной указ о запрете выливания помоев из окон **вышел в 1780 году** , но судебные архивы еще 1840-х годов содержат немало дел о привлечении к ответственности домовладельцев и слуг за опорожнение ночных горшков из окон верхних этажей. В тянувшиеся вдоль улиц сточные канавы кроме испражнений и мусора также выбрасывали и трупы недоношенных младенцев. Еще в конце XIX века префекты издавали циркуляр за циркуляром, предписывавшие обязательное захоронение мертвого плода.

Трупы взрослых либо сбрасывали в ямы на Кладбище Невинных, либо хоронили в церквях. Последний вид похорон в Бургундии вызвал протесты Жаре (XVIIIв.), врача из Дижона, который в ярких красках описывал весь ужас такого обычая погребения мертвых, указывая на огромные опасности для населения, т.к. земля и воздух отравлялись трупами погребенных. Но мнение врача никого не интересовало — люди настолько привыкли к дурному запаху, что просто не чувствовали его.

Такая окружающая среда явилась источником вдохновения не только для уже упомянутого выше Зюскинда, но и для знаменитого писателя позапрошлого века Гюстава Флобера (которому принадлежит знаменитое выражение «башня из слоновой кости», ставшее своеобразным символом уединенной жизни художника). «Забастовка золотарей» вдохновила Флобера на создание оды в характерном для той эпохи натуралистическом стиле. Начиналась ода с «Хора какающих», а заканчивалась извержением выгребных ям — Париж

оказывался погребенным под слоем нечистот, «как Геркуланум под лавой». (Юджин Вебер. От грязи к порядку)⁶

Одной строкой

В Испании на улицах ставили статуи Богородицы и распятия — чтобы люди не мочились. Страждущим это, правда, не особенно мешало.

Идея нарисовать упомянутые выше «ярко-красные кресты в саду или коридорах Лувра, чтобы предостеречь людей там гадить» также основывалась на сакральном понимании знака, так как красный крест на белом фоне — старинное знамя Христа, символ помощи и спасения, и мочиться на него — действительно для христианина грех.

Король Луи Шестнадцатый имел привычку собирать двор в День клизмы — и принцы, и министры часами стояли вокруг него, причем это почиталось за величайшую честь.

Влюбленные трубадуры собирали с себя блох и пересаживали на даму, чтоб кровь смешалась в блохе. Такая вот любовь.

Некоторые историки были удивлены, почему солдаты Саллах-ад-Дина так легко находили христианские лагеря. Ответ пришел очень скоро — по запаху.

Первая генеральная уборка улиц Парижа в 1668 г. произвела на всех такое впечатление, что Академия художеств выбила бронзовую медаль в честь этого события, а поэты слагали о нем стихи.

В Испании в средние века женщины, чтобы не завелись вши, часто натирали волосы чесноком.

Трон-стульчак иногда делали двойным — для короля и для королевы.

Существовала должность — Королевский Хранитель Стула (он же имел честь подтереть августейшую задницу куском льняного полотна, смоченного водой).

«Моя жена, сходяв однажды в баню и хорошенько вымывшись, наивно полагает, что теперь никакая грязь к ней больше не пристанет». (Морин Уоллер «Лондон, 1700 год»)

В эпоху Ренессанса в Париже вода была на вес золота, на весь город имелось

⁶ Сравним европейские города с китайскими, учитывая, кстати, что до середины XVIII века 73% промышленного производства приходилась на Китай и Индию (практически нерелигиозные страны в европейском понимании религии):

В китайских же городах, напротив, улицы были широкие и чистые, т.к. они были вымощены камнем и обеспечены каналами для сточных вод. Покойников выносили загород и сжигали. Падшие женщины, которых, по словам Поло, было не мало не смели жить в городе. Канбалык — торговый город, куда свозили со всех районов всякого рода товар. За этот товар китайцы получали деньги, окоторых писал еще Рубрук. *До Европы доходили слухи, что В Китае деньги, номинальная стоимость которых была намного выше реальной, изготовлялись из бумаги.* Бумагу для денег изготовляли из коры тутового дерева, после чего на каждой купюре ставили печать императора, таким образом великий хан полностью контролировал выпуск средств платежа. ... Путешествуя по Китаю, венецианец был явно поражен насколько отлажено в Китае почтовое сообщение: от столицы во все стороны были проложены дороги, на которых было указано куда она ведет, и через каждые два шага по приказу великого хана были посажены деревья, чтобы гонец не заблудился. Через каждые сорок километров гонец проезжал станцию, где мог отдохнуть и поменять лошадей. Между станциями обязательно должен быть расположен небольшой поселок, где жили пешие гонцы. Таким образом, хан мог получить информацию с окраин империи в считанные дни. За семнадцать лет службы у великого хана Венецианец объездил почти весь Китай, открывая для себя все больше нового. Например, проезжая вдоль реки Каракорон /Хуанхэ/, Марко был поражен сделанными из серого мрамора мостами: «-в длину триста шагов, а в ширину восемь; по нему рядом проедут десять верховых; стоит он на двадцати четырех сводах и на стольких же водяных мельницах-»¹. О таких мостах в то время в Европе даже не мечтали. (Филиппова Е. С. Представление европейцев о Китае, н.р. д.и.н., профессор Гаврилов Ю.Н., д.и.н., профессор Маслов А. А.)

только около сорока колодцев и примерно столько же фонтанов⁷.

Средневековая Европа. Штрихи к портрету

⁷ Этологические предпосылки и догмы

Почему вообще такое разведение грязи вокруг себя, выливание фекалий друг другу на голову и прочее свинство не вызывало естественной брезгливости у населения? Дело в том, что такой естественной брезгливости у нас нет. То, что мы за нее принимаем — это плоды воспитания. Собачка может закапывать испражнения инстинктивно, а людей надо этому учить, врожденная чистоплотность у *Homo sapiens* отсутствует, ее соблюдению способствуют лишь моральные установки:

Едят приматы не раз в неделю, как это бывает с хищниками, а целый день. Передвигаются потихоньку и жуют, не переставая. Привычка вечно что-нибудь жевать, закидывать в рот поп-корн, сидя в кинотеатре, между делом щелкать семечки — это у нас оттуда, из нашего приматского прошлого. [...] Поскольку экскременты приматов просто падают с дерева на землю, у них нет никаких специальных навыков и способов борьбы с нечистотами: гравитация делает все сама. У примата, в отличие хищника, нет дома, поэтому обезьяна может позволить себе гадить совершенно без ограничений. Сегодня нагадил — завтра ушел с этого места. Отсюда крайняя нечистоплотность. Крупные обезьяны, которые вьют из листьев и ветвей гнезда на ночь и каждую ночь эти гнезда меняют, гадят прямо под себя. В 99 % брошенных гориллами гнезд остается кал, 73% животных лежат в собственных экскрементах. Поэтому когда приматы покончили с биологической эволюцией, сменив ее на эволюцию социальную, вот тогда учиться чистоплотности им пришлось уже на уровне головы — врожденной, инстинктивной гигиены конструкция не предусматривала. Гигиена давалась не просто. Пришлось ссылаться на самые высокие авторитеты, чтобы внедрить хоть какие-то понятия о чистоте. В Ветхом завете есть замечательный эпизод, когда Бог учит древних евреев правильно оправляться. Создатель Вселенной тратит свое драгоценное время, чтобы объяснить людям, что если захотел опорожнить кишечник, нужно выйти за пределы стана, забыв прихватить с собой саперную лопатку, и после того, как дело в некотором отдалении будет сделано, тут же закопать произведенный продукт землей. Врожденные манеры хищника, который никогда не гадит возле логова, нашему виду пришлось разучивать через разум. (А. Никонов «Ангрейд обезьяны»)

Поскольку упомянутый «разум» был для христиан как красная тряпка для быка (см., например, Лютера) то наставления Ветхого Завета были быстро забыты (и сейчас большинство христиан считают, что Христос отменил Ветхий Завет своим приходом). Впрочем, само упомянутое повеление Библии (Втор.23:13) о зарывании испражнений лопаткой при догматичном понимании могло принести только вред, что недавно было вскрыто археологами: «Всем членам секты предписывалось зарывать испражнения и совершать ритуальное омовение в местных водах. Тяга к чистоплотности, по-видимому, и погубила их».

Вообще, любые попытки основателей религий привить правильное, по их мнению, поведение всегда были обречены на провал из-за непонимания сути запретов. Это еще Ошо хорошо проиллюстрировал, рассказывая о джайнских монахинях, которые были замечены за странным поведением:

«Ко мне подбежал человек, охранявший дом, и сказал: „Что за женщины остановились наверху? Всю ночь я недоумевал, что они делают. Они что-то носили ведрами и выливали на улицу“. Наконец, он пошел туда с факелом, чтобы посмотреть, и был удивлен: то были странные женщины; они не могли мочиться в туалете; они мочились в маленькое ведро и, когда оно наполнялось, выливали его наружу. Я сказал им об этом. Они ответили: „Ах, мы понимаем, но так было бы против священных книг“. (Библия Раджниша Том 1, книга 2)

Основателю религии Махавире и в голову бы не пришло, что его разумный — в тех условиях, когда он его давал—запрет со временем превратится в догму, нарушить которую верующий не может, даже если обстоятельства изменились. Ведь теперь это — Священное Писание:

«Джайнский монах не может пользоваться современным туалетом по такой странной причине: там вода, а Махавира сказал: «Нельзя испражняться в воду». И он был прав, потому что в Индии люди делают в реке все, что угодно, и они же пьют эту воду. Их быки купаются в той же реке — их коровы, лошади, другие животные. Они купаются там, люди стирают в реке одежду; всякое случается. Потом они пьют эту воду. Поэтому совершенно правильно Махавира говорит: «Хотя бы не испражняйтесь и не мочитесь в воду». Но теперь это стало священными словами. Поэтому джайнский монах, джайнская монахиня не могут пользоваться туалетом, ведь там вода»(ibid)

Такое непонимание даже разумных моментов, иногда присутствующих во всевозможных «святых писаниях», хорошо обыграл Крылов в рассказике «О бессмысленных религиозных запретах».

Часть IV

Крысы и крысоловы

- Огни святого Антония, — ответил Жан. — Не принимай всерьез слова сумасшедшего. Он одержим злым духом, бесом. Вот и все. Жан посмотрел на своего товарища: — Нет, это далеко все. Он — один из множества. Когда огни святого Антония захватывают город, то одержимыми становятся все. Когда я был маленький, такое произошло в соседней деревне. Она исчезла с лица земли. Половина жителей умерла. Прочие сошли с ума. Изгнать дьявола удалось только из немногих. — Погоди! — К ним подошел Фуггер. — Я тоже слышал о таком. Целые деревни сходят с ума. Они прокляты видениями ада и гибнут в огне, который виден только им самим. А на тех, кто пришел со стороны, проклятье не распространяется. Чужаки могут только наблюдать за происходящим, не разделяя этого ужаса.

Крис Хамфрис. «Французский палач»

Еще одной жуткой проблемой средневековья были крысы. Упоминания о вреде причиняемым ими, часто встречаются в легендах и хрониках. Базельские анналы отмечают еще под 1271 г.: «Крысы уничтожают зерно, сильный голод».

Впрочем, голодала Европа всегда: «В замечательной книге Фрица Куршмана о голоде в средние века (»Hungersote im Mittelalttr«) собраны сотни текстов из хроник вплоть до великого голода 1315 — 1317 гг. В них разворачивается бесконечное траурное шествие стихийных бедствий, голодных лет и эпидемий с их ужасающими эпизодами, включая каннибализм, и неизбежной развязкой — мором и традиционными жертвами — бедняками. Вот знаменитый текст из хроники Рауля Глабера. 1032 — 1934 гг.: «Голод принялся за свое опустошительное дело, и можно было опасаться, что исчезнет почти весь человеческий род...» (Ле Гофф Средневековая цивилизация).

Но голод был не единственной проблемой, связанной с крысами. Я уже писал выше о том, что благодаря уничтожению христианами кошек расплодившиеся крысы разнесли по всей Европе чумную блоху, отчего пол-европы погибло. Так что страх перед крысами — старый страх. Не зная ничего о бациллах, люди в средние века просто заметили, что вслед за крысами в город приходила чума, поэтому крысы считались вестниками беды и смерти.

Так как кошки, как «бесовские отродья», были христианами практически изведены и с крысами было бороться некому, то спонтанно появилась новая и столь необходимая в тех условиях профессия крысолова.

При дворе Якова I (правл. 1603-1625г.), в состав Королевской Палаты входило большое количество придворных слуг, представителей разного рода профессий, которые подчинялись непосредственно Лорду-камергеру. Среди них значились не только сундучник, сапожник, часовщик, но и придворный крысолов (ratcatcher). Но охотники на крыс были отнюдь не только во дворцах. В средние века появилось множество странствующих крысоловов. Эта профессия стала распространенной и общественно значимой, хотя считалась неуважаемой. Потому в ту пору, изводя крыс повсюду, бродили из города в город крысоловы. На шестах они несли связки крысиных трупов, на лотках — ловушки и яды. Цену за свои услуги они требовали немалую. Придя в деревню или в город, такие специалисты хвастались своими победами над крысами там-то и сям-то, показывали дипломы неведомых университетов и уверяли, что их метод уничтожения грызунов самый эффективный. Если крысолову удавалось произвести впечатление на измученных крысиной напастью горожан, то тогда заключались договоры с отдельными хозяевами домов и лавок, и крысолов приступал к

работе. Но, несмотря на старания крысоловов, размножение грызунов в городах и впрямь походило на нашествие. А реальное событие — сожжение города епископом ради избавления от крыс — впоследствии стало легендой и народной балладой.

Рукопись 1430 года — «Книга о чуде» — содержит сцены обрядов и заклинаний для изгнания крыс. Людей, занимающихся этим, называли заклинателями. Некоторые из них, подобно гамельнскому крысолову, уводили крыс с помощью музыки, другие читали заклинания или молитвы. Власть этих людей над крысами объясняли не иначе как данной дьяволом, и потому *церковь и инквизиция при каждом удобном случае расправлялись с крысоловами*, способствуя таким образом дальнейшему вымиранию своей паствы от голода и чумы. В России крысоловов называли повелителями или хозяевами крыс. Их услугами часто пользовались владельцы мельниц, где серых грызунов водились целые полчища. Считалось, что «хозяин крыс» мог не только увести надоедливых соседей, но и натравить их на неугодных ему людей.

Волшебная флейта Пестрого Крысолова

«Кто там в плаще явился пестром, Сверля прохожих взглядом острым, На странной дудочке свистя?.. Господь, спаси мое дитя!»

(старинная немецкая баллада)

Старая жутковатая немецкая легенда о гамельнском Крысолове (нем: *Rattenfänger*), владевшем магической дудочкой, хорошо известна во всем мире. Она стала основой для множества поверий и сказок. О Крысолове сложены народные баллады. Многих прославленных поэтов и писателей вдохновила эта легенда: великих немецких поэтов Гёте и Гейне, английского поэта Броунинга, шведскую писательницу Сельму Лагерлёф, русскую поэтессу Марину Цветаеву. Вспомним и нашествие крыс на старинный замок в сказочной повести Сельмы Лагерлеф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» — этот эпизод почти полностью повторяет первую часть легенды о Крысолове: маленький Нильс с помощью волшебной дудочки с семью дырочками выводит из замка всех крыс. Со временем образ Крысолова стал мифом, начинал отделяться от средневековой фабулы и создавать новые, созвучные времени сюжеты. В голодном 1920 году в Петрограде Александр Грин написал мрачный и загадочный рассказ «Крысолов». Чудом спасшийся герой повествования рассказывает о крысах-оборотнях, способных принимать любой человеческий облик. «Крысолов», «Дудка Крысолова» — эти слова стали нарицательными. Дудкой Крысолова люди называют лживые обещания, увлекающие на погибель. Но в первоначальной версии легенды Крысолов никого не обманул...

В красивой горной местности на берегу большой реки Везер на севере Германии расположился тихий городок Гамельн (Hameln), больше известный теперь как Город Крысолова. В конце XIII — го века в этот город пришла все та же беда, что и в большинство европейских городов — крысы. В сказке братьев Гримм это описывается так:

«В Гамельне всегда было много крыс, но опасности они не представляли, поскольку кошки всегда решали эту проблему обычным способом — убивая их. Однако, внезапно что-то случилось, и крысы начали бешено размножаться. И вскоре черное море крыс заполонило весь город...» (Источник)

Характерный момент: «Все, что нам нужно — это армия котов! Но все кошки были мертвы...»

В сказке не говорится, что случилось с кошками, но мы-то это знаем...

Церковь, как всегда, пыталась бороться с крысами своим любимым и привычным способом — вызвала крыс на суд. В назначенный день судебного заседания люди собрались в ратуше и ждали, что на суд прибудет сам Крысиный Король. Ходили слухи, что у него пятнадцать голов у него и одно тело — куда там Змею Горынычу с его жалкими тремя головами. Наглый Крысиный Король почему-то суд проигнорировал и, как обычно повелось в таких случаях, приговор пришлось выносить заочно. Суд огласил крысам приговор на выселение: «Посему приказываем и повелеваем: всем упомянутым крысам, а также королю всего крысиного племени к полудню завтрашнего дня под страхом смертной казни покинуть наш славный город, а также все земли, принадлежащие ему». В отличии от убежавших в страхе от таких приговоров жуков и гусениц в соседних городах (в это христиане свято верили), крысы в ответ даже хвостом не повели, а продолжали опустошать дома, сараи и склады, сжирая все, что было сделано не из железа. Город продолжал пребывать в ужасе и панике.

И вот однажды, а точнее 26 июня 1284 года, в славном городе Гамельн, заполоненном полчищами крыс, объявился незнакомец в диковинном пестром наряде, пообещавший избавить жителей от напасти. Перед жителями забрезжил слабый огонек последней надежды, и они пообещали заплатить даже куда больше требуемой цены. Таинственный пришелец заиграл на дудочке и привлеченные ее звуками крысы вылезли из нор и пошли за музыкантом к реке Везер, где и утонули. Город был спасен. Но жадные горожане отказались заплатить чужеземцу не только повышенную, но и оговоренную сумму. «Вы горько пожалеете о том, что нарушили обещание» — сказал Крысолов и ...исчез, растворился в воздухе.

А вскоре над городом снова разлилась мелодия флейты. Завороженные роковой мелодией, множество детей выбежали из домов и пошли за крысоловом по направлению к горе, расположенной возле Гамельна, где бесследно исчезли навсегда, словно их никогда и не было...

Достаточно полно эта история изложена Йобусом Финцелиусом в 1556 году в книге «Чудесные знамения. Правдивые описания событий необыкновенных и чудесных»:

«Нужно сообщить совершенно необыкновенное происшествие, свершившееся в городке Гамельне, в епархии Минденер, в лето господне 1284, в день святых Петра и Павла. Некий молодец лет 30, прекрасно одетый, так, что видевшие его любовались им, перешел по мосту через Везер и вошел в городские ворота. Он имел серебряную дудку странного вида и начал свистеть по всему городу. И все дети, услышав ту дудку, числом около 130, последовали за ним вон из города, ушли и исчезли, так что никто не смог впоследствии узнать, уцелел ли хоть один из них. Матери бродили от города к городу и не находили никого».

Память о тех событиях хранит до наших дней этот старинный немецкий городок. Появление Крысолова в Гамельне и исчезновение ста тридцати детей зафиксированы как достоверный факт. Позолоченная надпись на здании старинной ратуши, прозванной Домом Крысолова, гласит: «В год 1284, в день святых Петра и Павла 26 июня Пестрый Дудочник завлек 130 етей на гору Коппен в окрестностях Гамельна, где они исчезли». Улица, по которой Пестрый Дудочник увел детей, называется улицей Молчания — здесь и сегодня

запрещено бить в барабан. Около 1375 года описание «исхода детей» было внесено в хронику города Гамельна, а фигура Крысолова была изображена на церковном витраже рядом с гербом города. Туристы теперь могут также полюбоваться на памятник музыканту, уводящему крыс и мышей из города и попробовать вкусные булочки-мышки. Три раза в день в стене старинного здания открывается дверца, из которой появляется дудочник. Сначала он уводит из города крыс, а затем детей. Но в разыгрываемых механическими фигурками сценах (как и во многих поздних сказках) все заканчивается благополучно: музыкант получает сполна за свой труд, и дети возвращаются домой.

В сочинении Финцелиуса высказывалось убеждение, что Крысолов — демон или сам Дьявол. Один автор XVI века даже записал Крысолова в вампиры. «История о гамельнском крысолове-флейтисте, — считает Ле Гофф, — примешивает фольклорный мотив к реальной борьбе против зловредных грызунов». (Ле Гофф Средневековая цивилизация).

У знаменитого гамельнского крысолова, очаровавшего крыс игрой на флейте, были предшественники. В краеведческом музее Гамельна хранится множество свидетельств: документов, гравюр, офортов XVII-XVIII веков. Но мир, благодаря пропавшим детям, запомнил именно этого Крысолова.

«С тех пор это предание не дает покоя историкам. На разные лады они объясняют его. Какую только подоплеку ни пытаются найти! Может быть, дети отправились в крестовый поход? Или в городе разразилась страшная эпидемия, погубившая более сотни подростков? Или произошло ужасное стихийное бедствие? Или совершилось некое ритуальное убийство?» («ЗНАНИЕ — СИЛА» Номер 7/98)

Что же случилось в городе?

«Пестрый Дудочник из Гамельна», человек, одетый в яркую разноцветную одежду (вспомним описания нарушения цветопередачи при приеме ЛСД). Согласно многим версиям сказки исчезающий, когда его пытаются обмануть... Это наводит на мысль — *не был ли Дудочник просто галлюцинацией?*

И сходные версии уже давно озвучены в десятке книжек о Крысолове. Первой была книга «Что случилось в Гамельне?», написанная Глорией Скурзински почти тридцать лет назад («What Happened in Hamelin» by Gloria Skurzynski. Four Winds Press, 1979).

Повествование ведется от лица 14-летнего помощника хлебопека, мечтающего освободиться от тяжелой средневековой жизни и обрести новую жизнь волынщика. Примерно в то же время, когда Линда Капроэл исследовала связь салемиских процессов над ведьмами и эрготизмом, Глория Скурзински взглянула на спорыню с точки зрения романиста. Ловцы крыс и обезумевшие дети четырнадцатого столетия... Купить книгу можно на Амазоне.

А одна из последних версий тех событий описана в книге «Дыхание» («Breath» by Donna Jo Napoli). В аннотации: «Читатели, не знакомые с психотропным действием отравления спорыньей, могут быть также мистифицированы сюжетом, как и жители средневекового городка». Характерно, что герой — 12-ти летний мальчик, не потребляющий спорыню — стал для обезумевших горожан главным подозреваемым в их напастях.

Но вот вопрос: если Дудочник — просто галлюцинация, то как «увел» детей, это, возможно, объясняет. Но как он до этого увел крыс? Я не вижу проблемы и в этом случае. Ответ прост. Крыс в Гамельне, как и повсюду в Германии, было, естественно, множество. Но

покрывшее город «черное море» жутких крыс «жрущих все подряд, кроме железа», как описано в сказке братьев Гримм — что это? Обычная сказочная гипербола или ...это тоже галлюцинация? Возможно, эта простая мысль еще никому в голову не приходила. А она как раз объясняет веру в «крысоловов с дудочками» — ведь тогда их было множество, и крысы они успешно «уводили», только детей не трогали. Слухи о таких крысоловах и вера в них, как и паническая боязнь крысиного нашествия — готовая «установка» для «бэд-трипа». Стоило только еще немного ухудшить «обстановку» (реальное увеличение поголовья крыс из-за уничтожения кошек, например), как этот спусковой крючок сработал. Галлюцинирующие люди увидели то самое упомянутое «черное море крыс» точно также, как они видели летающих ведьм, бесов, оборотней и вампиров на протяжении всех средних веков.

Реальный крысолов, вероятно, действительно приходил в город. И в городе действительно были крысы, хоть и не «черное море», но, как и всюду в Европе, их было предостаточно. Возможно также, что одежда крысолова на самом деле была необычна. Он выполнил свою работу, как выполняли ее все крысоловы в то время — отравил крыс ядом. Но многие крысоловы были также фокусниками, «артистами» в своем ремесле. Если не сопровождать отравление крыс «магическими ритуалами» а-ля Дэвид Копперфилд, то вряд ли было возможно получать за работу желаемые суммы, которые, как я писал выше, обычно были не малыми. Дудочки служили лишь для мистификации горожан и крестьян, иначе «клиенты» бы решили, что дешевле самим купить яда и отравить крыс, чем платить вдесятеро крысоловам. На помощь крысоловам в их тонком ремесле приходила невежественность и мифологичность мышления населения, которому крысы представлялись не просто животными, с которыми можно бороться «бытовыми способами», а посланниками Дьявола, предвестниками Армагеддона. Эти крысы подчинялись только Крысиному Королю, который был так силен, что посмел не явиться в Церковь на суд, куда его в лучших христианских традициях вызывал местный епископ. Соответственно, без привлечения магии с крысами не справиться.

Но в этом случае люди допустили ошибку. Они не заплатили крысолову. Жадность победила доводы — нет, не разума — мистического сознания. Я выше упоминал о том, что сама Церковь всегда была против крысоловов, объясняя их успех в борьбе с грызунами «службой дьяволу». Именно Дьяволом по мнению Церкви дана была крысоловам сила для изгнания крыс. Такой взгляд, конечно, не случаен. Ведь если Церковь повелевает Крысиному Королю явиться на суд, а тот плюет на Божественный указ, и крысы никуда не уходят, а крысоловы с ними в отличие от Церкви успешно справляются... Налицо жесткая конкуренция. Выход у Церкви единственный — вспомнить о библейском «не можешь изгонять силой Вельзевула» и объявить крысоловов слугами Сатаны. Что Церковь и делает. И крестьяне эти наставления, звучавшие с церковных амвонов, помнят, но что делать, если Церковь помочь не может, а крысы урожай жрут? Приходилось пользоваться «дьявольскими» услугами. Соответственно, не заплатить крысолову — рассердить Дьявола. Наверняка большинство горожан предпочло бы расплатиться с такой «темной личностью», как крысолов. От греха подальше. Но губернатор не заплатил. У него свои резоны — а ну как епископ его за такую выплату сдаст святой Инквизиции?

Как бы там ни было, реальные крысы отравлены, «черное море» пригложившихся крыс утоплено в реке, а довольные горожане празднуют победу над «войском Крысиного Короля». При этом едят «глюкохлеба» больше чем обычно, праздник ведь. А на душе у них не спокойно, ведь они обманули мага, слугу дьявола. А ну как отомстит? Они, понятно, это дело обсуждают. Дети их слушают. Слушают и черный хлеб кушают. Дети вообще любят всякие страшилки, всякие «рассказы про Страшную Черную Руку» у пионерского костра. А уж дети средних веков, когда и взрослые были как дети... Дети идут спать, ожидая «возвращения мстительного крысолова». Черный хлеб у них в желудках переваривается.

На следующий день в город возвращается Пестрый Крысолов (это тот момент, где его надо начинать писать с большой буквы) и дети послушно следуют за ним навстречу своей

погибели...

Как мы знаем из истории, достаточно чтобы хотя бы один ребенок услышал «зов» и позвал других за собой. И здесь не важно, мстительный крысолов ли действительно сыграл мелодию на околице, или все это было чистым глюком с самого начала. Полностью повторился сюжет Детского Крестового Похода, состоявшегося за 70 лет до того, когда глюк одного мальчика Стефана во Франции да видения Николаса в Германии отправили на гибель тысячи христианских детей.

Приложения

1. Теология самозарождения клопов и вшей

Всюду, где человек сталкивался с внезапным и массовым появлением живых существ, он рассматривал его как самозарождение жизни. У самых разнообразных народов, живших в разное время и стоявших на разных ступенях культуры, мы находим указания о самопроизвольном возникновении почти всегда одних и тех же организмов — это черви, зараждающиеся в навозе и гниющем мясе, вши, образующиеся из человеческого пота, светляки, родящиеся из искр костров, наконец, это лягушки и мыши, возникающие из росы и влажной земли. Христианская цивилизация в этих верованиях ничем не отличалась от полинезийских папуасов.

Среднюю Европу клопная напасть настигла в XI столетии. Происхождение множества клопов требовало объяснения. Церковь признавала только учение Аристотеля, который полагал, что клопы возникают из пота животных, выступившего на их теле. Вшам же, например, Аристотель приписывает происхождение из мяса, дождевым червям — из ила прудов и т.д.

«...Вши, блохи, клопы, — писал Аристотель, — после совокупления рожают так называемые кониды (гниды), из которых ничего другого не выходит. Но из этих насекомых блохи возникают из малейшего количества гниющего вещества (где высыхает навоз, там они и образуются), клопы — из влажности, выделяемой животными, которая, выходя наружу, образует их, а вши — из мясных частиц; возникают они, когда им суждено возникнуть, из маленьких пузырчатых высыпей, не содержащих гноя; если их проколоть, из них выходят вши» (История животных, пер. В. П. Карпова, цит. По рукописи. С. 169).

Взгляды Аристотеля сохранили свое влияние на века. Раннее христианство черпало руководящий материал о самозарождении из Библии и обосновывало доктрину абиогенеза примерами из той же Библии. Подчеркивалось, что самозарождение действует от сотворения мира до наших дней. Отцы христианской церкви, богословские авторитеты IV — V в., разработали мистическую концепцию происхождения жизни. Живший в середине IV в. Василий Великий являлся и является до настоящего времени одним из главных богословских авторитетов восточной христианской церкви. Его книга «Беседа на шестоднев» сохранилась в церковной литературе, в частности, на русском языке, и до наших дней. В ней мы можем прочесть по интересующему нас вопросу следующее:

«Одно производится через преемство существовавшего прежде, другое даже и ныне является живородящимся из самой земли. Ибо не только она производит кузнечиков в дождливое время и тысячи других пород пернатых, носящихся по воздуху, из которых большая часть, по малости своей, не имеет и имени, но из себя же дает мышей и жаб. Около Египетских Фив, когда в жары идет много дождя, вся страна наполняется вокруг полевыми

мышами. Видим, что угри не иначе образуются, как из тины. Они размножаются не из яйца и не другим каким-либо способом, но из земли получают свое происхождение».

В средние века философская мысль могла существовать лишь в качестве богословской мысли. В течение средних веков (V-XV вв.) вера в самопроизвольное самозарождение была господствующей среди ученых того времени, ибо любому ученому сомневаться в обласканном Церковью Аристотеле также опасно, как анатому в учении Галена. Сочинения Аристотеля были в средние века непререкаемым авторитетом, ибо их «осветили» своим одобрением Святые Отцы. Поэтому сочинения средневековых ученых содержат многочисленные описания самозарождения насекомых, червей, рыб. Тогда часто считали, что даже львы возникли из камней пустыни. Знаменитый врач средневековья Парацельс (1498-1541) приводил рецепт «изготовления» гомункулуса (человека) путем помещения спермы человека в тыкву. Как известно, Мефистофель из трагедии Гёте «Фауст» называл себя повелителем крыс, мышей, мух, лягушек, клопов и вшей, чем И. Гёте подчеркивал чрезвычайные возможности самозарождения. А в трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра» Лепид уверяет, что в Египте крокодилы выводятся из грязи Нила под действием жаркого южного солнца.

2. Предмет роскоши первой необходимости

Знаете, чего именно городскому человеку не хватает в деревне или на лоне природы? Думается, что, прежде всего, уютного, сверкающего кафелем туалета с привычным сливным унитазом. А ведь было время, когда этих не просто привычных, а крайне необходимых нам деталей каждого приличного туалета не было даже в городах. И чтобы возник первый сливной унитаз, понадобилась не просто гениальная инженерная идея, но и наличие развитой канализационной системы. Оно понятно: смыть — дело нехитрое, да вот вопрос: куда?

Туалет типа «сортир»

Первые трубы, ведущие от домов ближайшему водоему, появились еще 4 тысячи лет назад — в городах Древней Индии и Междуречья. А при раскопках на Оркнейских островах были обнаружены остатки общественных уборных, в которых глиняные прото-унитазы были установлены над дренажными канавами. Их возраст — около 5 тысяч лет!

Но первая полноценная канализация, «Клоака», появилась только в Древнем Риме. В этом мегаполисе диаметр главных тоннелей для отвода дождевой воды и нечистот достигал семи метров, и специальным смотрителям приходилось плавать по ним на лодках. Тогда же канализацию впервые начали использовать в качестве убежища разные антисоциальные элементы.

Главное достижение римлян — общественные туалеты. Те самые, с которых император Веспасиан (Titus Flavius Vespasianus, 9-79) решил взимать плату в бюджет. И когда его благочестивый сын Тит упрекнул его в этом, Веспасиан изрек знаменитую фразу: «Деньги не пахнут!».

Общественные уборные для римских простолюдинов мало чем отличались от того, что мы можем лицезреть на вокзалах небольших городков: каменный домик, в полу которого были пробиты дыры. Устроенные по типу выгребной ямы, они чистились только тогда, когда содержимое начинало выпирать через верх. Поэтому их посетителей часто охватывало непреодолимое желание выразить свое возмущение таким сервисом в виде надписей на стене, которые теперь читают современные археологи, поражаясь тому, как же мало меняются люди с веками...

Полной противоположностью были общественные туалеты с проточной канализацией для богатых римлян, которые назывались «фрики» и обустраивались по самому высшему разряду. В фонтанчиках и канализации приятно журчала вода, в клетках пели птицы, рабы

разносили жаровни с благовониями. У многих патрициев были даже свои персональные, так сказать, «приватизированные» места. Причем в виду того, что мрамор, из которого делали тумбы для сидения, был довольно холодным, то иногда вперед важно идущего в туалет патриция посылался раб, который нагревал господское место своими ягодицами. Поэтому во фригии ходили не просто справить нужду, но и поговорить с интересными людьми. Для удобства общения и подчеркивания того, что в туалете, как и в бане, все равны, «сидячие» места в этом туалетном храме располагались по кругу. Так что в этом римляне опередили короля Артура.

Но если круглый стол у легендарного короля, возможно, и был, то ни унитаза, ни туалета у него вообще не было никакого. С наступлением Средневековья о языческих удобствах забыли, и человечество вернулось к сортирам с выгребными ямами. Причем, в городских домах и замках ямы нередко делали прямо под домом. И в 1183 году в Эрфуртском замке (Германия) произошла трагедия: пол главного зала проломился, и император Фридрих со своими рыцарями упали прямо в нечистоты. Императора, конечно, спасли, а вот многие графы и бароны утонули. После этого случая многие предпочли перестроиться под систему сливных желобов, выходящих за стены в крепостной ров.

А в большинстве своем жители средневековых городов пользовались ночными горшками, известными человечеству еще с античных времен, которые опорожнялись... прямо на улицу.

Вот горшок смывной, он предмет простой!

К началу XVIII века в домах горожан на смену ночным горшкам, которые консервативные жители деревни, остающиеся верными сортиру-скворечнику, могли запросто спутать с супницей, пришли первые сливные унитазы.

Его изобретателем считается британский поэт, офицер и мастер на разные выдумки Джон Харрингтон (John Harrington, 1560-1612), построивший для королевы Елизаветы оригинальную «ночную вазу», которую не нужно было регулярно выносить и чистить. Она мылась на месте, водой из подключенного сверху бачка. Собственно, отсюда и пошла история смывной системы. В отличие от проточной, где вода льется постоянно, смывная экономит воду — которую во дворце английской королевы приходилось поднимать до покоев ведрами. Правда, кроме водопровода, во дворце не было и канализации — так что снизу под свой унитаз Харрингтону пришлось приделать специальную емкость. Эти проблемы задержали развитие туалетной техники еще на 200 лет.

В 1778 году изобретатель Джозеф Брамах (Joseph Bramah, 1748-1814) придумал чугунный унитаз с откидной крышкой — дабы оградиться от зловония, раздававшегося из сливной трубы. В XIX веке эту проблему разрешил Томас Креппер (Thomas Crapper, 1836-1910), изогнув выходную трубу унитаза буквой U и создав таким образом водяной затвор, препятствующий выходу неприятных запахов из канализации. Для усиления же напора при смыве Креппер расположил бачок под самым потолком — да-да, как у старых советских унитазов.

Страшные эпидемии холеры первой половины XIX века заставили самым серьезным образом взяться за проблемы чистоты питьевой воды и бытовой гигиены в городах. С опорожнением ночных горшков на тротуары было покончено, а власти выделяли огромные средства на строительства канализационных и водопроводных систем. С этого момента началось победное шествие унитазов по городам Старого и Нового света.

А в 1915 году появился сливной бачок сифонного типа, который компактно разместился позади унитаза и вскоре вытеснил громоздкие чугунные баки, угрожающе возвышавшиеся над головами посетителей туалетов. Так унитаз приобрел современный вид.

Сухие и мокрые

Вторым по важности предметом каждой уборной является рулончик туалетной бумаги, отсутствие которого заставляет паниковать, лихорадочно придумывать какой-то выход из

неприятной ситуации или громко звать к «добрым людям». Но он появился на стене только в 1890 году, когда американская фирма «Scott Paper» впервые выпустила туалетную бумагу, скрученную в многометровые «свитки». До того же момента человечеству веками приходилось импровизировать.

Древнейшим прототипом туалетной бумаги были листья — где лопухов, где деревьев, а где каких-то тропических растений. Собственно, они и сейчас порою выполняют эту функцию в условиях, приближенных к экстремальным — когда турист или путешественник забывает положить туалетную бумагу в свой рюкзак.

Еще один древний вариант — пучок мягкой травы или мха. У древних скандинавов его заменил кусочек меха или клочок овечьей шерсти. Мягкую шерсть или хлопковую вату, намотанные на палочку и смоченные в ароматизированной воде, использовали патриции и богачи Древнего Рима. А вот римский плебс пользовался губками (натуральными), которые после использования полоскали в жбане с соленой водой и клали обратно на полку.

Многоразовыми были и туалетные «платки» жителей средневековых городов, которым не по карману были ни одноразовые шерстяные «тампоны», ни еще более дорогая тогда бумага. Зато королевские особы могли позволить себе любую роскошь. И рядом со справляющим нужду Людовиком XIV стоял наготове придворный со стопкой кружевных платочков, которые затем вместе с содержимым монаршего горшка выбрасывались в бочку золотаря. Такими же требовательными к своему венценосному задку были и китайские императоры, использовавшие или шелковые салфетки, или листы тонкой белоснежной бумаги, стоившие в старину немалых денег.

В деревнях же по-прежнему пользовались бесплатными дарами флоры, причем большую оригинальность в этом проявили американские поселенцы, пользовавшиеся... кукурузными кочерыжками. К слову, когда в США хотят поддеть «деревенщину», напоминают об этих кочерыжках, что, видимо, является аналогом нашего «щи лаптем хлебать».

И только в XIX веке, с развитием промышленности, бумага перестала быть роскошью. Но не сразу она стала туалетной. Вначале, экономя, абсолютное большинство несло в туалет газеты и журналы, письма и записки, обертки, старые тетради и малоинтересные книги. Тогда же появилось и такое понятие, как «издание, годящееся только для туалета» — как правило, содержащее творения лишенных таланта журналистов и писателей.

Впрочем, обижались на такую критику не все. А кое-кто даже умудрился на этом заработать. Так, американцы конца XIX века очень уважали «Альманах старого фермера» — сообразительный издатель которого продавал его со специально прорезанным в верхнем левом углу отверстием для гвоздика. А еще тогда в американской глубинке был очень популярен рекламный каталог «Sears» — но не за содержимое, а за сто страниц мягкой бумаги.

Настоящие бумажные туалетные салфетки появились в 1857 году — их выпустил нью-йоркский бизнесмен Джозеф Гайетти (Joseph C. Gayetti). Они были нарезаны на аккуратные квадраты, запечатаны в картонные коробки по 500 штук и стоили 50 центов. И, наконец, спустя три десятилетия появилась более удобная в использовании туалетная бумага в рулонах. За 150 лет ее производители сделали огромный шаг: от жестких серых листов, похожих на оберточную бумагу советских гастрономов — до мягких, тонких, но прочных бумажных лент, имеющих специальный слой, узорные тиснения и даже ароматизированных.

Постепенно она завоевывала популярность, и уже в середине XX века стала во многих странах предметом первой необходимости. Интересно, что когда 19 декабря 1973 года ведущий канала NBC Джонни Карсон (Johnny Carson) в шутку сказал, что в США намечается дефицит туалетной бумаги, толпы американцев кинулись в магазины скупать рулоны ящиками — создав на три недели ее реальную нехватку. Это был один из самых громких случаев дефицита в истории Америки. Впрочем, в СССР по тем же причинам (скупка десятками рулонов) дефицит туалетной бумаги стал постоянным.

А во Франции еще лет сто назад популярней всякой бумаги было биде (от *le bidet* —

маленькая лошадка), появившееся в конце XVII века. По одной из версий, его придумали после ознакомления французов с культурой североафриканских мусульман, которые всяким клочкам шерсти или платочкам предпочитали омовение. Первые биде были простыми миниатюрными ванночками, позднее к ним подключили водопровод и слив. Однако когда в годы Первой мировой войны британские и американские солдаты, развлекавшиеся в свободное от сражения время во французских борделях, увидели там биде, то решили, что это предмет чисто женского туалета. И, исходя из мужской логики, были готовы каждого, кто предложит им воспользоваться биде, макнуть в оное головой. Так на биде было надолго наложено табу для мужского пола. И только во второй половине XX века оно биде постепенно начало обосновываться в домашних туалетах европейцев и американцев.

Расставанию с традиционными газетами и журналами мешало еще и то, что их можно было читать, сидя на унитазе. Причем любителей предаться чтению в туалете оказалось столь много, что даже перейдя, наконец, на нормальную туалетную бумагу, они все равно захватывают с собою журнал или держат в сортире книгу. А кое-кто именно там нашел время ознакомиться с классикой мировой литературы.

И снова на этом стараются заработать сообразительные люди, выпуская специальные туалетные журнальчики и небольшие книжечки, которые можно прочитать за 15-20 минут. Кроме того, саму туалетную бумагу начали использовать для рекламы и антирекламы — нанося на нее логотипы компаний или портреты врагов нации. И, наконец, появились идеи вставить рулон туалетной бумаги в специальный факс, который бы распечатывал на ней самые последние новости.

Унитазы для «чайников», космонавтов и хулиганов

Подсчитано, что за свою жизнь каждый человек проводит на унитазе от нескольких месяцев до трех лет. Поэтому задача современных дизайнеров и конструкторов — сделать так, чтобы это время было проведено максимально комфортно, а по возможности и увлекательно. Особенно преуспели в этом японцы. Вот, например, японская компания INAX в 2002 году выпустила супер-унитаз «Satis», в который встроены электронные весы, система автоматического подъема и опускания крышки, и даже MP3 плеер и стереодинамики. Стоил он \$2700. Последняя модель компании — унитаз «Satis S8», в который вмонтирован целый музыкальный центр, а также автоматический смыв и разбрызгиватель дезодоранта. Цена этого чуда техники достигает уже \$5600. Правда, оппоненты прогресса призывают не превращать туалеты в «центры развлечений» и устанавливать хотя бы в школах только классические, обычные унитазы.

Фирма «Matsushita» при разработке туалетных комплексов пошла еще дальше. Зачем ездить больницу и сдавать анализы, если это можно сделать прямо на дому с помощью унитаза? Оснащенный целой мини-лабораторией, унитаз проводит исследования мочи и кала, а затем через Интернет отправляет данные в медицинский центр. Теперь инженеры фирмы ломают голову над тем, как бы еще брать и на анализ и кровь, а также измерять давление. Весьма оригинальное решение приняла фирма «Toto», собравшаяся создать унитаз, который будет... приветствовать посетителя торжественным электронным голосом.

Унитаз британской компании «Twyford Bathrooms» (родоначальников собственно унитаза в его современном виде) тоже может делать анализы и отправлять результаты лечащему врачу, но, кроме того, еще и самостоятельно делать выводы и давать советы, чего вам следует больше употреблять — углеводов, белков или витаминов. А также понимает голосовые команды, в том числе по регулированию высоты сиденья. Сидите и командуєте: выше, ниже, выше, ниже!

А вот создать самый обыкновенный, без всяких там наворотов унитаз для космонавтов, было проблемой, над которой долго бились лучшие умы СССР и США. К слову, NASA на разработку космического туалета потратило \$23,4 млн. Ведь в условиях невесомости никакого смыва просто быть не может, да и куда смывать-то? Проблему решили с помощью специального насоса, втягивающего отходы жизнедеятельности в специальные емкости с

наполнителем (на самом деле космонавты не пьют переработанную мочу), ну а «смыв» осуществляется с помощью мощных струй сжатого воздуха.

Однако далеко не все ценят удобства унитазов. И есть категория людей, которые не просто ведут себя в общественных туалетах, мягко говоря, как свиньи, но и не могут выйти из них, пока что-то не сломают. Вот из расчета на таких посетителей и создаются специальные антивандальные общественные туалеты, которые могут выдержать не только удары каблуков, но и, пожалуй, небольшой взрыв. Их стены и пол делают из железобетона и облицовывают ударопрочной плиткой. Все оборудование туалета — унитаза и бачок, раковина для мытья рук, корпус сушилки, держатель туалетной бумаги — отлиты из нержавеющей стали...

Единственное, что не учли создатели этого туалета — смекалку русского человека, который, к примеру, уже сообразил не пытаться обмануть или взломать банкомат, а похитить его целиком, и затем уже, не спеша, «выпотрошить» где-то в гараже. Так же сам он сможет найти способ заполучить в полное распоряжение пару десятков килограммов нержавеющей стали для ближайшего пункта приема металлолома, и пригоршню электронных деталей — авось, пригодится в хозяйстве.

3. Цвета двух Изабелл (из ЖЖ Дениса Абсентиса)

... В теме мытья вы тут не слабо нафлудили, пока меня не было :-). И в не малой мере усилиями самолично явившегося Успокоителя. Ну что ж, он заслужил поощрения за такую старательность ;-). Отвечу на его хм... вопрос, как и обещал: *«И наконец самый главный вопрос: Из какого исторического источника (а не анекдота) ты выдрал утверждение о том, что Изабелла мылась всего два раза в жизни. То что Изабелла дала обет не мыться до тех пор пока Гранада не будет взята — это я знаю. Если она дала обет не мыться временно, значит до этого она мылась. Кроме того Гранада была взята, Изабелла жила еще долго — откуда дровишки, Денис? Советской фантастики Стругацких перечитал? Травки забористой перекурил? Что?»* Успокоитель Я очень люблю критику. Даже такую, написанную по мотивам слышанного звона. Ибо без нее иногда не обращаешь внимание на некоторые заслуживающие внимания своей наглядностью вещи. Без Успокоителя я бы и не углубился в вопрос мытья Изабеллы. Ну не мылась, и что? Мало, что ли, тогда было таких в христианской Европе? Но, как выясняется, ее заявление — это не просто случайные слова частного лица. Это — продуманная политическая декларация Истинных Христианских Ценностей™. Отмечу сначала, что Успокоитель старательно перепутал все, что только мог. Казалось бы, общеизвестно, что «Изабеллин обет», затянувшийся на три года, состоял в том, чтобы не снимать рубашку, и мытье здесь вообще не при чем. Мылась или не мылась эта Изабелла-с-грязной-рубашкой в свободное от обетов время, или только сорочки меняла раз в три года — история умалчивает. Посему ценность дальнейшего силлогизма *«Если она дала обет не мыться временно, значит до этого она мылась»* равна нулю, ибо он основан на ложных предпосылках. Дело в том, что известных чистюль — Изабелл было две. Одна, королева Изабелла Кастильская, клялась, что вода касалось ее только два раза в жизни — при рождении, когда она крестилась, и перед свадьбой. А другая, инфанта Изабелла Клара Евгения, дочь католика-фанатика Филиппа II, давала обет не снимать рубашку, пока не будет взята — нет, не Гранада, конечно — речь идет об Остенде. А та Изабелла-два-раза-ванна к тому времени уж ровно сто лет, как отправилась к Господу (сочувствую ему). Тут ведь, казалось бы, и искать ничего не нужно — это все даже в Брокгаузе есть: *«Изабеллин цвет — серо-желтый, назван по имени испанской принцессы Изабеллы, дочери Филиппа II, супруги австрийского эрцгерцога Альбрехта, которая во время осады последним Остенде (1601) дала обет не менять рубашки до тех пор, пока крепость не будет взята. Но так как осада*

длилась три года (до 1604 г.), то рубашка получила цвет, называемый ныне Изабеллин цвет.
» (Словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона)

Этот обет, растянувшийся на 3 года, был запечатлен также и в истории искусств — художник Гвидо Рени назвал «цветом Изабеллы» особый желто-коричневый оттенок в своей палитре. Что же до королевы Изабеллы Кастильской, жены Фердинанда Арагонского, то интересен не сам факт ее клятвы — это в любой школе проходят — а то, *почему* она именно *похвалялась* (*The Discovery of Personal Hygiene Sam Vaknin, Ph.D.*) своей нечистоплотностью, почему *гордилась* этим. Не «между делом случайно упомянула», а акцентировала на этом внимание. Похоже, никто этого не замечает. Пресловутая слава «европейских грязнуль» скрывает собой существенный подтекст этой декларации. А вот я даже готов допустить, что реальная Изабелла на самом деле мылась за свою жизнь гораздо чаще. Может даже пять раз. А, может, и десять раз, в глубокой тайне (хм.. или это уже совсем неправдоподобно?). Но вынуждена была сказать свою сакраментальную фразу исключительно из политических и идеологических соображений. Ярлык «немоющая и темная средневековая Европа» не верен, как, собственно, и любой ярлык. Ибо говорящие так обычно забывают, что это определение подходит только для христианской Европы. Но не вся Европа и не всегда была христианской. Было место в Европе, где бани получили еще более широкое распространение, чем при римлянах. Уже почти 500 лет не существует страна Аль-Андалус, название которой переняла историческая область на юге Испании — современная Андалусия. В IX—XII веках Андалусия была одной из самых развитых стран Евразии. Ее столица Кордова соперничала с Багдадом пышностью архитектуры, изысканностью придворных и не придворных поэтов, искусством музыкантов, славившихся далеко за пределами Испании. Кордова была большим, богатым городом, средоточием мавританской культуры, науки и искусств. Город этот существовал еще во времена финикийской цивилизации, а в период римского господства был известен под названием "Кордуба". Его жители участвовали в походе Ганнибала на Рим, в войнах Вириата, Сертория, Помпея и Юлия Цезаря, здесь родились великие римляне — философ Сенека и поэт Лукиан. В Кордове, Гранаде, Севилье существовали богатейшие библиотеки, открывавшие широкие возможности для научных занятий. Здесь хранились трактаты по математике, химии, медицине, бывшие для своего времени “последним словом” в каждой из этих наук; отсюда они в средние века в латинских переводах распространялись по Европе, где некоторые ученые мужи, сведущие в науках явных и тайных, такие, как Роджер Бекон, настаивали на том, что пора включить арабский в число изучаемых языков наряду с латинским и греческим. Но христианские фанатики придерживались другого взгляда — в 1499 году в Гранаде испанский кардинал и Великий Инквизитор Франсиско Хименес объявит арабский «языком еретическим и презираемым» и сожжет более 80 000 томов из этих библиотек. Позже именно он даст указ начать разрушать бани. Хотя окончательное решение вопроса затянется и ляжет на плечи уже Филиппа II (отца Изабеллы-в-грязной-рубашке).

«Вода — это зло». Вот этот политический слоган и должен был провести демаркационную линию между своим (христианином) и врагом (мусульманином, иудеем). Вода, как лакмусовая бумажка, должна была выявить врагов-хамелеонов, принявших — якобы — христианство (морисков, маранов), а в тайне соблюдающих предписания своих религий — священные омовения. Любая религия стремится отделиться от другой при помощи внешних обрядов. Отрицание необходимости мытья пропагандировалось христианскими священниками издавна — в противовес иудеям и язычникам. Теология — это для избранных, народу же нужны наглядные и понятные образы. **Не моется — христианин, моется — враг. Просто и доходчиво.** Ранним христианам, вылезшим из-под земли, из темных катакомб, такой подход был близок и понятен. Собственно, и само

название «христиане» изначально звучало как «вонючки»⁸. Но тогда он хотя бы мазями натирался. Потом стали пахнуть «естественно». Эта концепция тысячу лет уже работала, со времен отца церкви Св. Иеронима, который отвергал всякую гигиену, даже простое умывание, ибо, как учил этот святой, после обряда крещения ни в каких других омовениях уже нет ни малейшей нужды. Святой Бенедикт подтверждал, что мыться нужно как можно реже. Святой Франциск Ассизский рассматривал немытое тело, как особую форму благочестия. Так и повелось. Ничего нового Изабелле с Фердинандом изобретать не пришлось. Вот тут-то фанатичная католичка Изабелла (на Западе так зачастую и называемая Isabel the Catholic) и высказала свое кредо истинного христианина: «я купалась только два раза в жизни». А кто не так — тот плохой христианин. С этих пор *«Для мавров купание, как предполагали, было презумпцией доказательства измены...»* (Crow, J. (1963) Spain: the root and the flower. University of California Press, p.19), а фраза *«обвиняемый, как известно, принимал ванны ... является обычной в отчетах Инквизиции»* (**Crow, p.149** , см также **Frank Graziano** , Oxford University Press US, 2004, **Wounds of Love**). Купание стало трактоваться, как инструмент дьявола для оболыщения христиан. После завершения реконкисты католикам оставалось только разрушить бани и запретить мыться. Тех же, кто мыться в тайне продолжал, ждала знаменитая испанская Инквизиция. Дискурс прост. В Испании должны жить только христиане. Остальные должны либо сбежать, либо умереть. «Христианство или смерть», или выразим ту же мысль по-другому, «баня или жизнь». Надо отметить действенность такого метода, ибо простые люди, не фанатики (обязанные мыться не только по желанию, но и по религиозным ритуалам иудеев и мусульман), предпочитали сменить веру и не мыться, но остаться в живых. Сложнее оказалось даже запретить корриду, чем мытье, как отмечал Дж. Хей: *«Бой быков не всегда пользовался королевской поддержкой. Изабелла Католическая охотно упразднила бы и купание, и бой быков вместе. Но испанцы, которые охотно бросили омываться, крепко держались за своих быков, и энергичная королева сдалась»*. Тем более легко дался отказ от мытья по той простой причине, что и мыться-то стало просто негде — все бани христиане разрушили. Только сейчас, полтысячелетия спустя, их начали восстанавливать⁹. Я уже как-то замечал, что Ницше писал

⁸ «В «Деяниях апостолов» (11 : 26) мы читаем, что название — или прозвище — “христиане” придумали язычники—жители Антиохии, славившиеся своей насмешливостью. Как оно возникло. Оказывается, “Христос”—это греческий эквивалент еврейского слова “мессия”, что значит “помазанный”, “намазанный” Людям тогдашнего эллинского мира этот эпитет в применении к приверженцам какого-то Христа казался смешным и нелепым Сами они намазывались благовониями исключительно из гигиенических или медицинских соображений, это была повседневная косметическая процедура, наподобие нашей чистки зубов, например Таким образом, прозвище “христиане” значило: “те, кого натирают мазями”. Со временем последователи Христа привыкли к этому глумливому прозвищу и сами начали его употреблять» (Косидовский. Сказания евангелистов)

⁹ «Два года и 240 тыс. евро понадобилось муниципалитету Кордовы, чтобы воссоздать атмосферу арабских бань Хака-ма II, которые теперь пополнили список городских музеев». БСЭ (для тех, кого забанили на Яндекс); ИЗАБЕЛЛА (Isabel) (1451-1504) , королева Кастилии с 1474. Брак Изабеллы в 1469 с Фердинандом, королем Арагона с 1479, привел к династической унии Кастилии и Арагона (к фактическому объединению Испании). Изабелла отличалась религиозным фанатизмом. МАРАНЫ (исп . marraños), в средневековой Испании и Португалии евреи, официально принявшие христианство (главным образом после указа 1492, предписывавшего иудеям перейти в католичество или покинуть Испанию). Их преследовала инквизиция, обвиняя в тайной приверженности иудаизму. МОРИСКИ , мусульманское население, оставшееся на Пиренейском п-ове после падения Гранадского эмирата (1492) и насильственно обращенное в христианство. Мориски, большей частью тайно исповедовавшие ислам, преследовались инквизицией. В 1609-10 изгнаны из Испании. РЕКОНКИСТА (исп . Reconquista, от reconquistar—отвоевывать), отвоевание коренным населением Пиренейского п-ова в 8-15 вв. территорий, захваченных арабами (точнее маврами). Реконкиста началась битвой 718 (см. Ковадонга). Решающее значение имело сражение в 1212 при Лас-Навас-де-Толоса. К сер. 13 в. в руках арабов остался лишь Гранадский эмират (пал в 1492). Отвоевание сопровождалось заселением и экономическим освоением опустошенных войной земель. Реконкиста оказала большое влияние на экономическое и политическое развитие государств Пиренейского п-ова.

Р. Спасибо русскому алфавиту за любезно предоставленные буквы и Успокоителю за предоставленный

по этому поводу в «Антихристе»: *«Тело здесь презирается, гигиена отвергается как чувственность; церковь отвращается даже от чистоплотности (первым мероприятием христиан после изгнания мавров было закрытие общественных бань, каковых только в Кордове насчитывалось до двухсот семидесяти)»*. Так вот — Ницше сильно ошибся с количеством разрушенных бань. Число их только в одной Кордове приближалось к 4000. Мне кажется, что дело тут вот в чем: даже если Ницше и видел подобные цифры, то он просто не смог бы в них поверить — они бы показались ему слишком фантастическими. И он бы подумал, что приписан лишний ноль. Для воспитанного в христианской Европе философа на рубеже 20-го века, когда в Берлине только-только появилось 200 бань, поверить в то, что 500 лет назад в какой-то Кордове их могло быть в 20 раз больше — нереально, даже при всей ненависти Ницше к христианству. Но это я так, в виде неподтвержденной догадки. Вернемся в Испанию. Итак, большинство испанцев перестало мыться под угрозой инквизиции и смерти. Те, кто в тайне продолжал мыться, католиками педантично уничтожались. И здесь уже было все равно — действительно ли ты тайный иудей или мусульманин, или добропорядочный христианин, но почему-то моющийся (если такие еще были, конечно) — добро пожаловать на аутодафе или галеры. Результат — испанцы мыться разучились. И сохранили эту традицию на многие века. Тот же Дж. Хей так и объясняет сохранившуюся (на конец 19-го века) нелюбовь испанцев к мытью: «Ненависть к мытью уходит своими корнями в те самые столетия войн с маврами. Язычники мылись ежедневно; поэтому христианин не должен. Монахи, которые были слишком ленивы для того, чтобы купаться, учили своих последователей быть грязными в соответствии с их предписаниями и примером. Вода никогда не должна была применяться внешне, кроме как при крещении... Так, когда чистоплотные неверующие были изгнаны из Гранады, набожный и гидрофобный кардинал Хименес(Ximenez) убедил католических суверенов разрушить внушающие отвращение бани, которые они там оставили. И до самого недавнего времени в испанском понятии безнравственность и купание оставались синонимами. John Hay. Castilian Days. 1875 (<http://infomotions.com/etexts/gutenberg/dirs/etext05/cdays10.htm>)

вопрос. PS2. Таким образом есть основания считать неполными и поверхностными многочисленные цитаты, вроде: «В ответ на распущенность римских бань, ранняя христианская церковь часто препятствовала чистоте. “Здоровым, а особенно молодым,” указывал Святой Бенедикт в шестом столетии, “купание должно разрешаться редко”. Святой Франциск Ассизский зловоние немывтого тела считал символом благочестия. Королева Изабелла Кастилии хвасталась, что она принимала только две ванны в жизни — при рождении и перед браком». (Jay Stuller. “Cleanliness has only recently become a virtue” February, 1991, issue of Smithsonian, pages 126-135.) Вопрос мытья лежит глубже, и завязан не на высказывания одиозных святых и не на личность Изабеллы, а на тренд христианства в целом. PS3. Ах да, чуть не забыл:)) «Наша беда как раз и состоит в том, что мы не хотим опускаться до уровня таких как Абсентис» © Успокоитель Вот-вот, вы уж, пожалуйста, не опускайтесь, оставайтесь где и были раньше — на дереве.